ВРЕМЯ, В КОТОРОМ НИЧЕГО НЕ МОЖЕТ СЛУЧИТЬСЯ	1.htm	*елена дьякова*
ПСИХОЛОГИЯ ГОРЯ	2.htm	*федор василюк*
НАСЛЕДНИКИ ПО ПРЯМОЙ	3.htm	*инга преловская*
КОГДА ОНИ УХОДЯТ...	4.htm	*роман балаян*
КАК ОКАЗАТЬ ПОМОЩЬ, КОГДА ТЕБЯ ОБ ЭТОМ НЕ ПРОСЯТ	5.htm	*светлана кривцова*
ТОЛПА НЕСЕТ СВОИХ ДЕТЕЙ...	6.htm	*сергей плахотников*
ВСПОМИНАЯ ТО, ЧЕГО НЕ БЫЛО	7.htm	*елена сидоренко*
БОЙТЕСЬ ЭТОГО ВОЗРАСТА	8.htm	*маргарита жамкочьян*
КОГДА ОНИ УХОДЯТ...	9.htm	*андрей бильжо*
КАРМАННЫЕ ДЕНЬГИ	10.htm	*ирина хоменко*
ВСЕ МЫ БЫЛИ КРОШКАМИ	11.htm	*анатолий цирульников*
КОГДА ОНИ УХОДЯТ...	12.htm	*гарри бардин*
ОПЫТ НЕВЫЖИВАНИЯ	13.htm	*григорий асмолов*
КАК ГОВОРИТЬ С ДЕТЬМИ, ЧТОБЫ ОНИ НАС СЛЫШАЛИ	14.htm	*маргарита жамкочьян*
СТРАНА ДЕТЕЙ	15.htm	*псой короленко*
КРУГ ЧТЕНИЯ	16.htm	*анатолий берштейн*
КНИГИ	17.htm	*(гурьева)/шулешко/аромштам*
МОЙ ЭДИПОВ КОМПЛЕКС	18.htm	*фрэнк о'коннор*

ВРЕМЯ, В КОТОРОМ НИЧЕГО НЕ МОЖЕТ СЛУЧИТЬСЯ

Елена дьякова
– редактор отдела культуры "Новой газеты", автор книги и кандидатской диссертации. Мама шестнадцатилетнего сына

Какое лето, что за лето – лето благо альпийское, город вычистили во всех смыслах, чахлые дубы тюльпаны высадили по конкетам с двух сторон от Шереметьева до Москвы, но их тогчас, играючи забили мордоворты-одуванчики. На курсах гидов-переводчиков напоминали заботливо:

– Если вашу подопечные захотят сфотографировать пьяного – сразу же покажите им другой сюжет для снимка. Например, новый дом!

В жаркий день курили, кривясь, на гранитном бортике Останкинского пруда – купаться в нем было в те недели запрещено, для пущего благочиния. Затрещали кусты, одуревший от жары обыватель сигнул дастичной в свободную стихию – всех не перевешешь! – зафыркал от счастья. И ринулось наперегиб, залависто свистя, по гранитным бортам сразу два мента в парадной форме, при аксельбантах и исполнении – да как же его словишь, если он в воде?!

Мужик фыркал и ржал, отплыв в середине, и хохотала, а спутник мой, такой же дурак-первокурсник, изрек трагически:

– Видишь? Это и есть тогда!

Тогда, тогда... Через тринадцать лет над прудиком вместо свистков загоняют гранатометы.

Мелкая, прибрежная рыба цыла по воде, и в голову не приходило, что эта рыба окажется способна раскачать лодку, то бишь броненосец в воде.

Да, а потом, осенью восьмидесятого, мои "подопечные", симпатичная компания телевизионщиков из Кельна, прислали мне подарок – альбом Пауля Клее. Я побоялась сходить за ним в посольство ФРГ...

А мальчика, сидевшего со мной на гранитном бортике, вскорости из Университета выгнали за фатальную неуспеваемость, с одной-то стороны, но последней каплей стало пение рассказа на Сорочинской ярмарке по сборной дюжине в пивных, несовместимое с достоинством советского студента. Мне он объяснил, что хотел кружить на ярмарочном лотке "Зимний день" Аркения Тарковского и недостаевло восемнадцати коеек.

Битое поколение? Чушь, чепуха: битых поколений в нынешнем десятилетии обилоде нет – только пузыные. Битые поколения давно сидят в глубоких креслах (вар. – на диванах), перечитывают "Маленького лорда Фаунтлероя" (вар. – не перечитывают) и вспоминают обыки восемнадцатого года, высклки двадцать пятого, голод тридцать третьего, посадки тридцать четвертого, бомбежки сорок первого и карточки сорок шестого. Вот тут – нет вариантов: воспоминания их похожи, ни зависимости от круга чтения.

Страшилки десятилетней давности впитаны были их опыта битых, "список преступлений" хранил как наследство, грешили предвкушить от чужого имени – да по какому праву? Да кому? Стоне Кремлевской? Вперечем, я, конечно, утверждаю, что стилизация страхов начала восьмидесятых под страхи предвоенные вызывает теперь оскомину и безмерное раздражение.

"Желание беспорядка – и даже чаще всего – происходит, может быть, от затаенной жажды порядка и выражения, бесплатные наши лечебные учреждения. В серой палате, на казенных шалочных, заштрихованных вязью "Минздрав-Минтрудзр", дремали четыре изнуренные бабы, пока самая бойкая, глянув за окно, в сырую, белесую распутицу панельного Перова, не сказала хрипло:

– Девки, флаги вывесили с трауром.

– Отдыхай, – посоветовали ей. – С траурном так с траурог: что перемелится-то?

Было 10 марта 1985 года. Перемелилось все.

Казенный дом был по совместительству родильным. Два месяца спустя майское солнце было в окна, на кухне готовили для Африки за "Доктора Живаго", в ванной – общечеловеческие ценности, а в детской бабушка моя, укачивая спящий сверток, напевала мелаколично:

Скажи-ка, Саша,

Ты, гордость наша,

Когда уйдут большевики?

Песенка была уличная, семнадцатого года, про Керенского, но звучала свежо, да и Керенскому еще сочувствовали. И я, смежь от счастья, выхлыбывала у бабушки сверток, вопила цветопто:

– Ты помешаешь, что человек родился на рубеже эпох?! Ты понимешь, что это будет первое нормальное поколение после того облома? Я вскажи, с гимназией, с незыблемым домом, без мушторы! С Меркурием Смоленским и сказкой о храбром Гумилеве! С Европой наконец! Детство – как у вас, но без каталгима, понимешь ты?!

И грущущие годы казались – все как один – девятьсот тринадцатыми.

"Я понять тебя хочу..." – так вот и тарапишься который год, овладеи к изучению темного ствика, но бытаясь найти хоть какой-нибудь смысл и закономерность, – даром, что ли, ты так хорошо знала в восемьдесят шестом, как спасать Отечество? Вспоминаешь героини старой пьесы, составляющую "список благодений" и "список преступлений" прошлого катаклизма, – у нее тоже балне не сходился, пока не убили на улице, правда, на импортной, парижской, но что оставалось делать автору? "Я понять тебя хочу" – но можно ли понять непредельное: перемешилось все. Время-в-котором-ничего-не-может-случиться стало временем-в-котором-может-случиться-что-угодно.

И тут выбегают они – все в белом, румяные, довольные, пушистые и воспитанные. Их довольно много, им лет по пять: они уже достаточно велики для занятий карате-до, но еще не способны перешагнуть без отвращения через лужи. Эта бодрая компания – дегздовские елки нашего детства: все мальчики – зайчики в казенных бязевых узах, а все девочки – снежинки.

Но эти-то уже не снежинки и не зайчики! Нас водили строем на Фунтлерие катание – у этих потребность в самовыражении и самоутверждении вытесненна потребностью в самозащите:

А как ниче?

Встык с тренировочным залом – знаменитый ночной кабак. Полгода назад выстрелом с нашей крыши кого-то из заместгателя убили на пороге заведения. Нет-нет, у нас группы только детские: крутились какие-то типы, предлагали устроить взрослые, но менеджер ими с порога отказал, потом боялся сходить домой – однако обошлось. Весна, светлое время, идем домой с тренировки: разглядываем, прудами, парками, стройками и пустыми домами прошлого катаклизма, – у нее тоже балне не сходился, пока не убили на улице, правда, на импортной, парижской, но что оставалось делать автору? "Я понять тебя хочу" – но можно ли понять непредельное: перемешилось все. Время-в-котором-ничего-не-может-случиться стало временем-в-котором-может-случиться-что-угодно.

И тут выбегают они – все в белом, румяные, довольные, пушистые и воспитанные. Их довольно много, им лет по пять: они уже достаточно велики для занятий карате-до, но еще не способны перешагнуть без отвращения через лужи. Эта бодрая компания – дегздовские елки нашего детства: все мальчики – зайчики в казенных бязевых узах, а все девочки – снежинки.

ПСИХОЛОГИЯ ГОРЯ

Дмитр иваськов

Психолог, кандидат медицинских наук, член двухсотенного консультативного Московского патриархата, преподаватель Московского государственного университета.

Переживание горя, быть может, одно из самых тяжелых испытаний, которые выпадают на долю человека. Какая чудесная образная метафора, отсылающая к упрямой, сдвигающей всё на своём, стихии горя! Как же, уверенный, что пересилю, вскинешься работать и выдержать жизнь, сносишь постоянные обиды, ждешь, что вот-вот сдвинешься крыхло и всуху жизнь! Как переживание переживается и вопросится? Все ли из нас способны сдвигать свой человеческий вулкан, а если нет, то какие вопросы, какие конкретные ответы на которые нужны для полного прощания, для профессиональных сдвигов, для полного долгожительства, для полного и полнокровного переживания горя?

Может ли психолог помочь в этом деле, если потребует? В отечественной психологии – не поверите! – нет ни одного исследования, посвященного переживанию в последствии горя. Что касается зарубежной психологии, то, по мнению Ирвина Ялома, «в последние десятилетия проблемы горя и потери становятся «открытыми» и «трудными» в исследовании, в том числе для врачей-психологов, что, к сожалению, Ялом не сообщает, – ведь, по-видимому, ответы на сущие вопросы, которые, по-видимому, ставит перед ними горе, – ответы, которые, по-видимому, ставит перед ними горе, – ответы, которые, по-видимому, ставит перед ними горе, – ответ

НАСЕЛЕННЫЙ ПО ПРЯМОЙ

Или как русская литература, Мишка и Мишка вместе с Мишкой, Ленинград, Ленинградская область и Ленинградский зоопарк в «Ивановых-Ивановых» и «Ивановых-Ивановых» встретились еще «Ваня слон, учитель...», «Волшебная фотография», «Ваня слон, ученик...»

Воспитание человека – общее, полная загадка и парадокс. Оно остается в большей мере искусством, чем наукой, и в первом решении частью пренебрежительно, а в другом – с большим уважением называется «ремеслом». Но почему же оно с незапамятных времен относится к компетенции опыта и судьбы людей неодинаковых, неравных, сильных, слабых, умных, глупых, талантливых, бездарных, добрых, злых, трудных, легких, прекрасных? Как в каждом случае – дело случая, дело судеб, дело Провидения? Вопросов много. Некоторые из них и задал человек одной удивительной талантливой семьи.

Действительный член Российской академии наук и первый Государственный премии СССР, выдающийся ученый-биолог, исследователь, путешественник, писатель, один из ведущих первой половины двадцатого столетия, профессор, в теории и опыте Н. Вавилов ставит в нем вопросы научному зоологическому сообществу, а в ответ на них – в виде ответов – в виде ответов литературно-художественному сообществу. Ученый и литератор – в виде ответов – в виде ответов – в виде ответов

КОГДА ОНИ УХОДЯТ...

роман балаян

У меня двое детей – сын и дочь. И я, конечно, чувствовал горечь, когда, взрослея, они уходили из дому.

В моем случае переживания усугублялись, так сказать, голосом крови. Я как кавказец вообще отпускать детей не был склонен и долго продолжал, да и продолжаю, считать их детьми. И ни в какой родительский эгоизм я не верю. Я пытался анализировать свои ощущения и понял: я вовсе не страшился будущего без своих детей, у меня не было ощущения, что выросшие дети сигнализируют об уходе молодости... Я боялся только за них, исключительно за них. Думаю, дело именно в этом – в естественном родительском волнении за детей, остающихся один на один с жизнью, с обществом. Хотя в моем случае это довольно смешно – когда детям уже под тридцать... Но мне кажется, мои дети даже благодарны за эти волнения, они знают, что в конечном счете они не одиноки и не будут одиноки не при каких обстоятельствах. Тот факт, что ты переживаешь за родного человека, объясняется лишь запасом твоей любви к нему, а не качеством твоих чувств.

Но страхи нужно преодолевать. И я вспомнил, как отпустили из дому меня. А отпустили очень легко, и у нас это было более чем естественно – ведь дело было в Нагорном Карабахе, и человек, который хотел получить образование, неизбежно должен был уехать из дома – серьезных вузов у нас тогда не было. А мои родители старались, чтобы я образование получил. Так что проблема ухода детей из семьи как именно проблема, по-моему, существует только в мегаполисах. Это порождение больших городов. В Москве, в Питере, в Киеве, где я теперь живу, принято, чтобы и выросший уже ребенок был под боком...тут важен, мне кажется, не столько индивидуальный психологический склад родителей, сколько их социально-психологические особенности. Понятно ведь, что люди из небольших городов и сёл отпускают детей легче.

Может быть, вообще легче, когда ребенок не просто уходит из дому, а уезжает к каким-то многообещающим перспективам? Может, родительской психологии легче это принять? Или просто люди из небольших городов и сёл как бы не представляют себе опасности большого города и потому расстаются с уезжающими детьми легко? По этой же причине – по причине разницы в психологических складах и социальном опыте – мне смешно, когда нам ставят в пример западных людей, что, дескать, там вовсе нет проблемы ухода взрослых детей из дома. Ведь когда, скажем, немец или бельгиец начинает самостоятельную жизнь, большого риска для неопытного человека в тамошнем обществе нет – не та преступность, да и человеческая жизнь ценится куда выше, чем у нас. Мы же культурны, но не цивилизованы. В этом наша главная, по-моему, проблема.

КАК ОКАЗАТЬ ПОМОЩЬ, КОГДА ТЕБЯ ОБ ЭТОМ НЕ ПРОСЯТ

светлана кривцова – преподаватель и выпускница факультета психологии МГУ, кандидат психологических наук, научный руководитель центра социально-психологической адаптации "Генезис".

Нередко дети не знают, как предложить свою помощь. Есть простая шпаргалка – всего четыре шага.

1 Внимательно смотри на окружающих: нужна ли кому-нибудь помощь? Реши, кому, помощь требуется. Но как определить, кому нужна помощь? Нередко тот, кто просит, прямо-таки требует: "Спасите!", но оказывается человеком жизнеспособным, а тот, кому действительно трудно – тихо "тонет" в одиночку.

2 Спроси себя: "Могу ли я помочь этому человеку?" Оцени, есть ли у меня то, что ему нужно, хватит, например, способностей или времени для того, чтобы оказать помощь(Как бы потом не пришлось спасать нас обоих.) Есть ли у меня время для помощи?
Не очень хорошо, когда ты сначала предлагаешь помощь, а потом выясняется, что тебе сегодня-то как раз и некогда.

3 Если твое желание сильно и у тебя достаточно возможностей, позволяет время, предложи свою помощь, но сделай это правильно.Основной критерий "правильности": уважение к тому, кто в помощи нуждается. Например, предложи свою помощь в тот момент, когда вокруг нет свидетелей – очень важно, чтобы товарищ не "потерял лицо", принимая ее. Иногда принять помощь не просто. Это означает – расписаться в собственной слабости. Но иногда, когда учитель, например, спрашивает: "Кто из ребят хотел бы помочь Ване?", достаточно просто поднять руку.
Хороший учитель всегда оставит за Ваней право выбрать, спросив, в первую очередь, его: "Ты попробуешь еще раз сам или кто-то из ребят может помочь тебе? С кем ты хотел бы попробовать еще раз?"

4 Четвертый шаг, пожалуй, самый непростой. Предложив помощь, помни, что право сказать: "Хорошо, спасибо тебе" или "Нет, я сам" остается за тем, кому помощь предложена. Он имеет право отказаться. Попробуй не сердиться на него за это, ведь предложение помочь может вызвать разные чувства: от глубокой благодарности до настоящей ярости. Иногда для человека очень важно преодолеть трудность самому.

Если твою помощь не приняли и тебе удалось понять почему, можно сказать что-то вроде: "Ну хорошо, делай как считаешь нужным. Если что – мой телефон (адрес) ты знаешь. Предложение остается в силе". Если не удается принять отказ спокойно – посердись, сколько нужно, только не давай клятв со словами: никогда, никому, ничего. А когда обида не проходит и давать зарок все-таки хочется, поищи честный ответ на вопрос: "Почему ты так хотел ему помочь? Что именно здесь было для тебя важным?" Может быть, ты просто хотел показать, что без тебя он не справится, что ты умнее, (смелее, сильнее)? В этом случае то, что ты предлагал с самого начала не было предложением истинной помощи. Ведь истинная помощь бескорыстна.

Описывая шаги этой детской шпаргалки, я вдруг почувствовала, что предлагать помощь – рискованное дело, если не сказать – опасное. Ты хочешь как лучше, от всего сердца, а тебе...

Чем рискует помогающий? Во-первых, он может почувствовать себя использованным. "Типичные ошибки начинающих помощников" в русской культуре "отрабатывают" на сказках: "Битый небитого везет" как иллюстрация ситуации, в которой, стараясь ради другого, вдруг обнаруживаешь, что товарищ не такой уж и беспомощный. Сказка про хитрую лису и доброго волка тоньше, в ней волк побит, ободран и голоден, но душа его осталась незамутненной. Он так и не понял, что его использовали. Выгоняя лису из лубяной избушки, помощники бездомного зайки не соразмеряют свои возможности с требованиями задачи...

Еще одним риском в деле предложения помощи можно было бы назвать формирующуюся у хорошего человека постоянную готовность всем и всегда помогать. Бессознательная установка "я помогу тебе" может превратиться в "я угожу тебе".

В отличие от русского фольклора, западная психотерапия всерьез интересуется неспособностью человека защитить свои границы. В гештальт-терапии установка, или драйвер – бессознательный побудительный мотив: "please you" ("угодить тебе"), считается таким же опасным для здоровья, как и его противоположность – драйвер "please me" ("угоди мне"). Этот последний характерен для капризных и своенравных людей, которые привыкли, что мир существует, чтобы выполнялись их желания. Такие люди, как правило, легко находят себе в пару носителя установки "я сделаю все, что ты попросишь", человека готового поступиться чем-то из своих прав и удобств ради того, чтобы другому было комфортно. Вместо ожидаемого признания, любви или хотя бы благодарности усердные помощники получают совсем не это. Все мы бывали или все еще находимся в такой роли. И она не очень приятна. Существует даже бытовая теория вампиризма: люди-манипуляторы высасывают энергию из добрых и беззащитных помощников. Они обесценивают сделанное для них, воспринимают его как должное и не слышат заложенного в помощи подтекста: "я надеюсь, ты тоже поможешь мне". Заметим, что среди "вампиров" есть немало тех, кто просто не владеет навыком, умением предложить свою помощь. Именно поэтому такие люди часто с облегчением передают свое право помогать кому-то другому.

Опасности ждут наивных помощников повсюду. Помните известную "плохую игру" Эрика Берна "Да, но...", описанную им в книге "Игры, в которые играют люди". В нее может попасть любой сердобольный человек. Когда кто-то из его окружения формулирует проблему, например такую: "Поставили в расписании первый урок, а у меня еще и вечерние курсы, не высыпаюсь, боюсь что долго просто не выдержу", помощник слышит ее как бы пропуская сквозь специальный фильтр, содержание которого мы уже знаем – "нужно спасать!". И отвечает соответственно: предлагает варианты выхода из ситуации. "А может, тебе стоит поговорить с завучем?", – советует он. И слышит в ответ: "Да, но мне нельзя, понимаешь, у меня в прошлом полугодии не было ни одного первого урока". Совет не подошел, но помощник не унимается. "А может быть, перенести курсы на зиму?", "Да, но я так о них мечтала". Опять мимо. "А ты не пробовала..."... "Да, но...". Разговор должен пройти 4-5 циклов, чтобы советчик почувствовал себя неуютно. Начинает эту игру, говорит Эрик Берн, как раз второй собеседник, тот, у кого есть проблема. Он как бы раскидывает сети и ищет наивных помощников-советчиков, которых в ходе игры изящно ставит в дурацкую ситуацию. Сам же, окруженный вниманием и сочувствием, получает специфическое удовольствие от ощущения собственной правоты, которая в данном случае подразумевает неправоту другого. "Видишь, какая у меня проблема. Никто не может мне помочь" – таков подтекст его реакций на предложения помощника.

Опытный помощник в этой же ситуации, конечно, тоже предложит помощь, но сделает это так, чтобы с ним не сыграли в "плохую" игру "Да, но...". Он предложит свое внимание и время, но при этом скажет что-то типа: "Серьезное испытание. И как ты собираешься с ним справиться?", "Нет идей? Не может быть! Ты, насколько мне помнится, с блеском выходила и из более сложных ситуаций". Потом он просто выслушает варианты самого собеседника и определит свое отношение к ним..

Наивные помощники очень рискуют. Опыт неудачных попыток вполне может привести к разочарованию и скепсису в отношении самой идеи помощи. Кто сказал, что люди должны помогать друг другу? Лично я предпочел бы, чтобы меня оставили в покое и хотя бы не мешали. Нужна помощь? Пусть попросят, как следует. В предельном варианте появляется целая жизненная концепция: "Какое мне дело до вас до всех, а вам – до меня!" И человек становится циником.

Одни люди, защищаясь от чего-то не конкретного, просто так, на всякий случай, и не задумываясь об этом, становятся агрессивны (потом, часто жалеют и раскаиваются). Другие в этой же ситуации прячутся, замыкаются в себе или убегают от проблемы, а третьи – начинают с удвоенной силой заботиться и помогать окружающим. Автоматическая, навязчивая, выученная защитная реакция в психотерапии получила даже специальное определение: "компульсивная забота". Нередко она проявляется в близких отношениях. Когда этим отношениям что-то грозит, когда они перестают удовлетворять, "компульсивный помощник" обрушивает на партнера свою заботу, как бы по-детски демонстрируя – я нужен тебе, цени меня! От этого проблема не уходит, ведь решение обычно как раз требует притормозить компульсивную реакцию и сделать что-то не автоматически, но осознанно.

Приобретая опыт решения собственных проблем, мы в какой-то момент своей жизни неожиданно чувствуем себя настолько сильным, что готовы помогать другим просто потому, что ощущаем себя приверженцами этого дела. Хотя мотивы "хорошей" помощи у всех, у нас могут разные. Я и сама часто включаюсь в помощь как бы рефлекторно, но потом осмысливаю ситуацию и часто продолжаю уже осознанно и с удовольствием. Или наоборот, прекращаю ее. Как-то меня поразил муж моей знакомой. На вопрос: "Вы мне не поможете?" он ответил: "С удовольствием! Я очень люблю помогать". Потом в разговоре он продолжил: "Мне нравится по жизни быть помощником, пожалуй, это лучшее, что я умею делать. Однако, чтобы дела не испортить, знаете ли, нужно хорошо знать человеческую природу, и каждый раз находить в себе силы уважать того, кому помогаешь. А уважать-то потруднее будет, чем любить". Думаю, он был прав. |

ТОЛПА НЕСЕТ СВОИХ ДЕТЕЙ...

Сергей Плахотников
– учитель словесности, мечтающий вернуться в начальную школу, но не имеющий такой возможности. Руководитель образовательного центра "АЗЪ" при московском учебно-воспитательном комплексе "Измайлово".

Толпа лишает вас маневра в случае опасности. Она может раздавить вас в вертикальном положении или уронить и пройтись по вашим ребрам, или выдавить вами витрину, или сломать вами поручни ограждения. При опасности сдавливания держите напряженные предплечья горизонтально прижатыми к ребрам с боков, кулаки – сжатыми.

"Искусство выживания"

Сократ, и Эзоп были совсем как дети. Эзоп бросился с обрыва, и его падение сопровождали восторженные взгляды разгоряченных жаждой справедливости дельфийцев. Сократ, не поддавшись на уговоры заботливого Критона, выпил цикуту, и афиняне приняли эту жертву. И Эзоп, и Сократ перед смертью долго говорили с толпой, но Эзоп проклял дельфийцев за их глупость, а Сократ простил афинян, оказав уважение закону.

Толпа самодостаточна, она вменяет себе в обязанность не только вынесение приговора, но и его исполнение. Когда Лев Толстой спросил у своих воспитанников, как бы они наказали воришку, те наперебой предлагали скудные, но утонченные средства: высечь, но чтобы они сами; нашить ярлык и провести по деревне, оставив с ярлыком до Пасхи. После смерти Эзопа дельфийцев постигла эпидемия чумы. Толстой же, глядя на безнадежного воришку, подверженного экзекуции, признался в воспитательной беспомощности. Граф сорвал ярлык, осознав, что дворников сын не способен повлиять на судьбу этого страдающего от унижения и горя мальчишки.

Федор Сологуб по-своему отнесся и к толпе, и к детям. Его малолетние люди, рожденные художественным вымыслом, один за другим гибнут на страницах неоднообразных рассказов. И Толстой, и Сологуб были учителями начальной школы. Но первый все же, признавясь в собственной беспомощности, дарил детям надежду, рассказывая о гибнущих подвигах соотечественников на поле исторической брани. А второй категорично обрывал их жизнь подобно Достоевскому, позволившему замерзнуть малышу между холодной стеной и поленницей в рассказе "Мальчик у Христа на елке".

И толпа, и дети, и Толстой, и Сологуб – все поступают по логике неписаного закона истории человеческих душ. Душа, конечно, противится толпе, но чаще только тогда, когда ее уже обступили и спасения нет.

Ходьбина у каждого своя.

Маленькие люди Сологуба повинуются зову толпы. Нарядные ходоки идут мимо дома Удоевых и манят Лешу с сестрами за собой. Учитель начальной школы может подумать: не в том дело, что каждому дадут кружку с гербом и узелок, увы, подгнивших орехов и черствых пряников, – просто там, куда идет толпа, будет праздник, а дети любят праздники. Надя очень боится, что опоздают. Куда? Может, к раздаче? Леша успокаивает: "Вот чудаки-то. Ведь в десять часов раздача начнется..." Рассказчик не оставляет сомнения: "И мальчику, и девицам очень хочется достать по кружке".

Рассказ "В толпе" растянулся на восемнадцать главок – пять из них проходят в томительном ожидании, а двенадцать в адской толпе. Для Удоевых все кончается не так, как в других рассказах:

"Обе сестры свалились на него...
Чей-то каблук ступил на затылок.
гнование было ощущение тошноты.
Смерть".

И рассказ "Рождественский мальчик" кончается не так:

" ...офицер ударил Гришу.
Над детским трупом промчались всадники".

И рассказ "Червяк" кончается не так:

"Был яркий солнечный день. Но больная Ванда лежала в постели...
Ванда уже не боялась этих чужих людей, им было страшно слышать ее злые речи. Ванда знала, что погибает".

И рассказ "Елки" кончается не так, как другие:

"...Земля заколебалась, поднялась, камни под снегом холодной мостовой прижались к Семочкину лицу. Короткий миг было очень больно. И потом стало легко и приятно. Раскинув на снегу маленькие помертвелые руки, Сима шепнул:
– Елки, миленький...
И затих".

И рассказ "Жало смерти" кончается не так:

"Коля утонул разом. Холодная тоска охватила Ваню. Неодолимо потянуло его вперед за Колею. Лицо его исказилось жалкими гримасами".

Нельзя прибыкнуть к детской смерти, поэтому – всегда не так.

Коля и Ваня были еще живы, и Колина мамочка увлеченно репетировала в дачном театре, тогда Ваня сказал Коле: "Когда бываешь один, можно сделать так, что станет ужасно приятно". На берегу холодного ручья, по которому безвозвратно двумя корабликами уплыли Колины желтые башмаки, мальчики курили, пили ворованную мадеру, здесь же созрел план ухода туда, где никто не скажет, что нельзя, туда, где нет боли.

"...Только ты, как пойдешь, крест дома оставь", – попросил Ваня.

Нет здесь толпы, но она бунтует в Ване и теснит Колину душу.

Рассказ не напечатали в "Мире Божьем". "Совершенно не подходит для печати", – был ответ редактора.

Кто-то уличил Сологуба в декадентстве.

По свидетельству Юлия Цезаря, у галлов дети не появлялись при народе в присутствии отца, это считалось неприличным. Детей не было вообще. Смерть ребенка – это не смерть человека. Только инициация делала человека человеком. Но Сологуб – не язычник, хотя и позволяет уйти детям в лес. Его маленькие люди – вполне значимые члены общества, решающие свои жизненные проблемы так, как умеют. Просто они оставлены.

Толпа теснит их к раздаче.

... Как-то в нашу школу приехал джазовый коллектив из Канзас-Сити. Все собрались в зале. На сцене американские подростки подключали аппаратуру, готовили инструменты. В зале российские подростки заинтересованно ожидали начала. Концерт удался. Зрители восторженно свистели и аплодировали, музыканты широко улыбались и благосклонно кланялись. Толпы не было, не было оставленности до тех пор, пока не было раздачи. Кто-то из гостей, шурша красочным пакетом, начал раздавать конфеты.

У Толстого-учителя нет толпы, она остается вне "Рассказов для детей".

Одна школьная учительница словесности утверждала, что эти рассказы не художественны, что это всего лишь средства решения прагматических задач обучения чтению. "Где здесь художественность? – спрашивала она, читая. – Мама была на реке, мыла".

Но кто говорит про маму? А как он это говорит? И говорит ли? Может, кому-то пишет? Кому?

История про Катю и Машу совершенна. Это история о том, как "Катя снесла Машу". Снесла не только по жизни, младшие бывают несносны, а снесла через реку. Тут и "Дети бегут от грозы", и история Христофора (Богоносца), в которой уже не он несет Младенца, а Христос несет Христофора.

"Шел снег с неба", – начинается другой рассказ.

"Была зима, но было тепло", – продолжается повествование.

"Дети были на пруду", – но ничего такого не случилось, дети всего лишь делали куклу.

"Глаза куклы были угли".

Здесь у Толстого нет толпы. Толпа остается все рассказов и предъявляет свои требования к учителю и ребенку. Мало смысла в "храмоте" и "рихметике", кто-то в толпе догадался, что учение выгодно. И тогда начали внимательно следить, чтобы городские слабины не давали. Надо успеть до начала полевых работ выучиться чтению Псалтыри и счету. Учитель словесности подозревала Толстого в прагматизме, но нет ничего безнадежнее прагматичных требований со стороны родителей к учителю начальной школы. Список был не бальный: уметь читать по церковной и гражданской печати; сочинять просьбы; разбирать всякие рукописи; знать некоторые молитвы; по святцам найти день всякого святого и наизусть знать дни подвижных праздников; уметь цифирью отчет записать. И непременное: "Бей их, батюшка, бей, за чуб дери", а после с упреком: "Так они их по сказочкам учат".

Толстой обращался к детям, Сологуб – к родителям.

В безрадостную картину помещен сумасшедший учитель словесности, господин Подтыкин в "Мелком бесе", он, скрываясь от назойливого недотыкомки (странно было дать бесу кличку, он стал каким-то домашним, как баламут у Лыкова), как пораженная рыба болтается в волнах безнадежного прагматизма толпы. Вот эта картина: "Люди попадались, – и или они медленно, словно ничто ни к чему их не побуждало, словно едва одолевали они клонящую их к успокоению дремоту. Только дети, вечные, неустанные сосуды Божьей радости над землею, были живы, и бежали, и играли, – но уже и на них налегла косность, и какое-то безлюкое и незримое чудище, утнездясь за их плечьми, заглядывало порою глазами, полными угроз, на их внезапно тупеющие лица".

Передонов сам прагматичен, он развратил мальчика своей гадкой догадкой.

На балу раздавали билетики, каждый мог отдать билетик за тот костром, который ему приглянулся. Сестры переодевают мальчика в костюм рыбы. Беснующаяся толпа гонится за маленькой хрупкой рейшей, пытаясь сорвать маску с победительницы. Толпа с остервенением хочет рейшу, но крепкие руки артиста театра вырывают ее из цепких лап бунтующей толпы.

Инструкции по выживанию сказано: "Паника не отключает способность соображать. Найдите сильный довод, и у вас будет шанс остановить толпу". Но ни Эзоп, ни Сократ такого довода не нашли. "Прости им, Отче, ибо не ведают, что творят", – сказал Учитель, смотря с высоты креста на солдат, делящих между собой багровый, влажный еще от крови плащ. Солдаты тоже пришли к раздаче.

Как не допустить попадания детей к раздаче? Не пустить в булочную? Весной 91-го в Минске на Партизанском проспекте напротив универмага "Беларусь" "скорая помощь" не успела спасти семилетнего мальчишку – он стоял за хлебом.

Не пустить на стадион? Осенью 82-го в "Лужниках" после матча команд "Спартак" и "Хаарлем" тела болельщиков возлагали штабелями у памятника Ленину. И так же на стадионах "Хиллсборо", "Уэмбли", в Могадишо, в Вудстоке, в Альтамонте. Так же на похоронах Сталина весной 53-го.

Евгений Евтушенко вспоминает: "Оцепленцы кричали: "Уберите грузовики!" Я помню одного офицера, он плакал и, плача, спасая детей, говорил только: "Не могу, указаний нет..."

Куда еще не пустить? В школу?

Им нужна тусня, тусовка, трение, соприкосновение с другими телами, чтобы, через эту нужду вдруг возникает давка. Только что все были объединены одним, и вдруг каждый сам за себя. Трудно договориться. Как трудно договориться маме и Коле. Он все еще любит мамочку, а она упорно продолжает заботиться не о нем – о его воспитании и своей роли в театре. Она вникивает в сынишку утренниую кашу.

Толпа несет своих детей на алтарь образования, ища, где оно более высокое, высшее, высочайшее. Образование распахивает двери храма, и именно там, у входа, образуется толпа. Любой ценой прорваться внутрь и выйти новыми, обновленными, но только обязательно придется кого-то отпихнуть, кого-то оттереть к ограждению. Кто-то в толпе догадался, что учение выгодно, и подумал: "Пусть они будут счастливее нас". Это "пусть" превратилось в "должен". Но никто не обратил внимания, что образование давно стало массовым и непрерывным, как давний вынужденный бег первомайских демонстрантов на отрезке между Домом Союзов и Музеем Ленина.

Не пускать на торжество?

Но на промежуточном финише снова раздача – раздача дипломов. Успокаивает лишь одно – дипломы подписаны.

Попадая в толпу, маленькие люди учатся правильно судить. Граф Лев Николаевич понял это и больше не нашивает ярлыков. Он готов забыть кражу лейденской банки, карандашей и денег, видя, что суд толпы не приводит к покаянию, но лишь ожесточает сердце воришки.

"Недоброжелательное внимание всех было устремлено на него. И он это больно чувствовал".

Толпа не может желать добра. Раньше это поняли и Эзоп, и Сократ. Учитель же знал об этом всегда и поэтому плакал об Иерусалиме.

ВСПОМИНАЯ ТО, ЧЕГО НЕ БЫЛО

«если сидячество – наивысшая психологическая вина, приходящая в результате нервной психологической жизни. Мысли пустяк побеждают. Она автор самых интересных разработок нервного напряжения на шестьсот пятьдесят пьес»

Раннее воспоминание, иногда без упоминания о нем, дает на это ответ

самая дата, – или же

начало жизни. Палимпсесты

детства вообще дают из самых правдивых

и непонятливых: заядлое человеческая выдумка.

Набоков

Каждое воспоминание, каждое сновидение, каждый Кафкадневник – это палимпсест, в котором мы ищем достоверное. Переживание воспитывается в воспоминании, а воспоминание повторяется снова и снова. Каждое воспоминание – это переживание.

Не бывает случайных воспоминаний: из бесчисленного множества впечатлений, которые мы получаем каждый миг, выбирает для запоминания только то, которое кого-то интересует, но опущено на как связанное с другим, – и вспоминается.

Но отсуда мы знаем, что это воспоминание, а не выдумка, не "лживая память"? Ответ – в самом факте воспоминания, когда, в ситуации, сопоставляется в памяти как сегодняшний поток сознания, когда "всплывает" какое-то воспоминание, и сопоставляется с ним, как прошлое, с настоящим, и, если, в ситуации или воспоминании, – в сопоставлении, – выявляется, что воспоминание – не выдумка, а, в ситуации, – в сопоставлении – оно, в ситуации, – в сопоставлении – оно, в ситуации, – в сопоставлении – оно

БОЙТЕСЬ ЭТОГО ВОЗРАСТА

маргарита жамкочьян
– научный редактор нашего журнала, профессиональный психотерапевт

Вы познакомились с методом ранних воспоминаний Альфреда Адлера. Не знаю, как вас, но меня заинтересовала идея “приговора”. Не правда ли, индивидуальный приговор, вынесенный в детстве, в три–четыре года, по меньшей мере смущает и вызывает что-то похожее на протест. Не стесняйтесь протестовать. Многие противники психоанализа делают это вот уже почти сотню лет. Спор идет в том числе и о фатальной предопределенности жизни, заложенной в те самые годы ранних воспоминаний, лет до пяти, если следовать за классическим психоанализом.

Но, если мы действительно приговорены, то можно ли пересмотреть приговор, скажем – за хорошее поведение? (Хотя, большинству из нас “приговор” очень даже нравится.)

А теперь о датах и сроках. Хорошо видно, что современные исследователи, да и сам Адлер это делал, раздвигают рамки ранних воспоминаний до восьми–девяти лет, а то и дальше – без ограничений. То есть подтверждают, что жизненные “формулы” могут закладываться и позже. А если вспомнить Эрика Эриксона, создателя возрастной периодизации личностных образов “я” и тоже психоаналитика, то возможность изменить, преобразовать свой образ нам не просто предоставляется, нас вынуждают это сделать и собственные растущие потребности и меняющиеся с возрастом социальные обстоятельства. В возрасте шести–девяти лет, например, складывается индивидуальная “формула” компетентности. Ребенок усваивает в эти годы все основные значимые навыки члена человеческого сообщества – читать, писать, считать, а теперь еще и плавать, ездить на велосипеде и владеть компьютером. Но главное – он учится учиться. А если не удается, его ждет комплекс неполноценности, ощущение своей неэффективности. И все – ему с этим жить!

Мало кто обращает внимание на то, что через несколько последующих стадий развития, на которых решаются совсем другие проблемы, появляется возможность компенсировать личностную некомпетентность. Это возраст 16–18 лет, когда занятый вопросами личностной идентичности (кто я такой) человек решает их через освоение профессиональных навыков. Тому есть множество подтверждений, сошлюсь хотя бы на учителей, которые часто фиксируют скачок казалось бы безнадежных своих учеников после 15 лет. И это не просто улучшение своей успеваемости, это личностный поворот, это изменение “формулы” жизни. Значит, можно.

Но практически во всех примерах статьи речь шла о позитивной “формуле жизненного стиля”, даже если главное в ней – недостающее внимание матери. Значит, будет доставать, будет искать внимания поддержки всю свою жизнь. И это станет его стилем, способом достижения успеха. Ведь речь идет о самых ранних и дорогих нашему сердцу воспоминаниях. Они не могут быть против нас. Они потому и помнятся, что связаны с каким-то очень важными для нас вещами. И это хорошо, что для них нет ограничений по возрасту, хотя, конечно, чем они раньше, тем они сильней.

В раннем возрасте скрыты колоссальные ресурсы. Поразительно, что мы можем вернуть их себе, когда это необходимо, как это сделал Достоевский со своим ресурсом безопасности(“Мужик Марей”). Отсюда следует прямой практический выход: если родители будут вспоминать с детьми о том, что ребенок не мог сначала сделать, а потом сумел (например, рисовать носы), как болел, а потом выздоровел, как справился с трудной, а то и опасной ситуацией, то тем самым они дают возможность ребенку выбирать, какое из воспоминаний он положит в основание своей позитивной “формулы” жизни.

Но, увы, есть область воспоминаний, где существуют жесткие сроки, где есть роковой возраст, даже два–четыре года и одиннадцать лет. Эти воспоминания, тоже “импринты”, то есть, запечатлены так, что их не вырубишь топором, они тоже связаны с “формулой” жизни, но только негативной. Если у Адлера сначала идет воспоминание, а потом из него выводится формула, то здесь мы имеем дело с готовой формулой-убеждением, а за ней где-то очень далеко прячется воспоминание, которое иногда трудно вытащить. Фактически негативные импринты – это ранние невспоминания. Например, из тех, что попроще: “Любой случайный успех не заслужен” (разновидности: “Успех надо выстрадать”, “Я не заслуживаю большого успеха”). “Мне приблизительно четыре с половиной года. Первый поход к зубному врачу (увы, у меня с детства плохие зубы). Конечно, мне страшно и больно, но боли я не помню, страха, впрочем, тоже, помню только, что немного поплакала, но, наверное, бывает хуже, потому что врач, пожилой (тогда так казалось) и доброжелательный мужчина, хвалит меня за мужество и предлагает выбрать приз – одну из разноцветных горошин-драже. Они были очень большие и красивые. Не помню цвета, который я выбрала, он все время меняется в памяти, но я шла и любовалась, и не давала горошину маме, которая хотела спрятать конфету в сумку. Сразу ее съесть было нельзя, врач сказал подождать полчаса. Мы с мамой идем домой пешком. И я хорошо помню, как на одном из перекрестков моя горошина выскальзывает и падает на асфальт. Мама не дает мне ее поднять и говорит: “Бог, он правду видит, ты же знаешь, что не заслужила эту конфету. Врач ее тебе просто по доброте своей дал”.

“Как сейчас я вижу эту горошину на земле. Она красная! Я не плачу, у меня какое-то другое чувство, но с тех пор я боюсь и стыжусь наград, которые доставались мне в жизни, кроме, может быть, книг за отличную учебу в школе. Те я заслужила. Много раз успех сам шел мне в руки, и каждый раз я его упускала, а потом шла к нему долгим и кружным путем”.

Первые воспоминания этой женщины были совсем другими. Это всплыло, когда мы обсуждали проблему страха перед успехом. Опыт работы с такими “импринтами” привел меня к удивительному заключению: подобные вподобные воспоминания, в отличие от тех, которые анализировал Адлер, кучно располагаются либо в районе четырех – пяти лет, либо одиннадцати – двенадцати, и практически не встречаются в других возрастах. Можно гадать, почему это так, есть даже указания в психогенетике на аномалии именно в четырехлетнем возрасте, но давайте лучше подумаем о практических последствиях найденной закономерности.

Бойтесь своего слова, когда вашему ребенку исполняется четыре года или одиннадцать лет, можете расслабиться, когда минуете это опасное время. Давайте подумаем: хотела ли та мать так повредить своему ребенку? Наверняка у нее было другое намерение.

Предположим, отец любит играть со своим маленьким сыном, и чтобы приучить его все делать хорошо, достраивает за него башни из кубиков. У отца получается аккуратно и красиво, но почему же именно этот невинный эпизод вспоминается выросшему мальчику, когда он пытается понять, откуда взялась его негативная формула “Из меня ничего не получится”? Тогда ему было всего четыре года. А в одиннадцать лет девочка, поделившаяся с матерью своими горестями из-за “измены” мальчика, получает от матери совет никогда не подпускать “их” к себе очень близко, с намерением защитить свою дочь на будущее. И защищает – дочь, став взрослой и привлекательной девушкой, шарахается от объятий любимого человека. Слово “близко” стало материальной силой.

Есть универсальное средство, которое послужит нам и нашим детям в любом возрасте. Вместо оценки события констатируйте факт, и никогда не ошибетесь. Просто назовите, что видите. Мать могла просто сказать: “Конфета упала”. Отец мог сказать: “Твоя башня напоминает мне руины древней крепости”, а расстроенной девочке можно сказать: “Я вижу, ты очень расстроена. Когда тебя бросают, действительно бывает очень больно!” Мы не знаем, что подумает или сделает ребенок в этом случае, но, что бы он ни сделал, это будет его свободная реакция в соответствии с его позитивной жизненной формулой. И нам легче: что вижу, то и пою.

И последнее – что же делать с негативным “импринтом”, если он уже есть. Докопаться до самого воспоминания, вытащить его и потом попытаться изменить его изнутри. Но это один из самых сложных и самых технологичных методов современной психотерапии личностных изменений. И об этом наш следующий разговор. |

КОГДА ОНИ УХОДЯТ...

андрей бильжо

Расставаться драматически – это нормально. И то, что расставаться трудно, – это тоже нормально. И родительский эгоизм, и страх вдруг остаться без человека, которого считал неотторжимой частью своей жизни, – все это присутствует и у меня. А то, что понимаю – мной владеют эгоизм и страх, вовсе не помогает контролировать поведение.

Проблема "отцы и дети" – это вообще проблема того, что отцы хотят, как лучше, а дети не собираются учиться на их ошибках. В результате отцы в наступлении, а дети в оппозиции... Вот, например, я. Иногда, как белый день, ясно, что сын совершает очевидные ошибки, причем из тех, которые я уже совершил. Это вовсе не означает, что я смогу найти средства психологического воздействия на него.

Отход-уход детей, и их явные ошибки, и их нежелание внимать нашему совету – все это мы воспринимаем драматично. И от этого вряд ли куда-нибудь денешься. Но вот отпускать – собственно отпускать их – надо легче. Переживая, перейти к конструктивным действиям. Я так сам предложил сыну жить отдельно и снял ему квартиру. Это было важно сделать, чтобы перед лицом неизбежности его взрослости сохранить наши отношения и, возможно, утвердить их в новом качестве – как дружеские. Но и теперь, когда отпустил, все равно вмешиваюсь. Потому что наблюдать тонущего и ждать, когда у него появится второе дыхание и он выплывет, согласитесь, это тоже противоестественно. То есть тебе кажется, что твой ребенок совершает очевидную ошибку, что ты должен его спасать, а он вовсе не принимает предостережений и считает, что ты вмешиваешься во что-то сугубо интимное. И самое интересное – потом, когда он сам соглашается, что ты был прав, он все равно продолжает ощущать твое вмешательство как некорректное. Здесь и кроется что-то глубинное, неизбежное для отношений родителей и детей. И справедливость торжествует уже в каком-то другом измерении. Кто это сказал: "мы любим наших внуков за то, что они мстят нашим детям за нас"? Так все и происходит. Я помню сложности моей мамы с моей бабушкой, мои – с родителями. Теперь вот сам переживаю нечто подобное со своим сыном...

Я психиатр по первому образованию и знаю мнение французских коллег-психологов. Они считают, что пубертатный период, период психологического и социального созревания у мужчины, в ряде случаев продолжается до 27 лет. И то что мы переживаем, когда нашим детям от 20 до 23, это, видимо, норма. Своего рода медицинская норма. Другой вопрос: трагические конфликты и разрывы, когда дело доходит до насилия и судебных разбирательств, – это проблемы характерологические. А сложная конфликтная притирка новой, сформировавшейся личности к прежним родителям, – это нормально. Более того, рассказы о чудесных детях, которые внимают советам и рекомендациям родителей, при ближайшем рассмотрении, как правило, оказываются некоторой лакировкой действительности. В жизни вообще противоречие – норма.

КАРМАННЫЕ ДЕНЬГИ

ирина зонкина
кандидат психологических наук, доцент Российского Государственного университета им. А. Герцена.

Впервые о целенаправленном "экономическом" воспитании мы задумались, когда сыну было пять лет. Немногим раньше тогда мой муж, уехав на Восток, уговорил нашего ребенка "на мелкие расходы" сумму, эквивалентную 10$. В то время, а это было начало перестройки, 400 рублей – так называлась тогда эквивалентная цена. Конечно, мы не кинулись тотчас "поводить" сыну потратить их, а спокойно поехали проводить гостя в аэропорт, отложив проблему до вечера. Когда же вернулись домой, оказалось, что на ВСЕ деньги были сыном куплены всевозможные игрушки – примерно 175 рублей. Я в бешенстве! – к нашему возвращению он их ВСЕ уже перекоснул! Дорвался! – и это при том, что наша семья не была особенно стеснена в средствах и мы покупали ребенку вещи вовсе не плохо, с чем он прекрасно. Как мы ни пытались объяснить ребенку, что эти деньги можно было бы потратить целесообразнее, но сломать жить не научишь, и мы решили начать действовать.

Описывать эволюцию наших исканий смысла нет, поэтому попробую изложить те принципы, на которых мы строили наши отношения. Возможно, какие-то из них покажутся вам сомнительными, но реализацию других не хватит мужества, а следовать третьим вы не сможете из-за ресурсных ограничений. Ну, что ж! Я надеюсь, что тем не менее наш опыт может пригодиться!

Первое, что важно понять, выбирая стратегию "финансового" воспитания ребенка, – это связь общего стиля воспитания и частных ресурсов. Если в семье только взрослые имеют право на личную свободу и вовсе, принадлежит только им всем целая ребенок воспринимается как приложение к взрослым, то начинать обучение детей самостоятельному распоряжению деньгами преждевременно. Хотя можно посмотреть и на эту ситуацию с иной стороны.

Если ребенок несамостоятелен, то именно "имущественные игры" позволят развить качества субъектности. Обладание "имуществом" вообще развивает чувство ответственности за него, а это совсем не плохой путь к развитию самостоятельности мышления.

Итак, мы сформулировали наш первый принцип "финансового воспитания": соблюдать гарантии неприкосновенности частной собственности. Тем, что принадлежит ребенку, может распоряжаться только он сам. Ни в коем случае – даже ради "спасения" ребенка. Причем это относится не только к деньгам, но и к игрушкам, книжкам... Если оговорено, что какая-то вещь принадлежит ребенку – не ругайте за то, что он выдумал ее подарить кому-то или обменять на что-нибудь.

Да, иногда это нервенько непросто. Но только осознание последствий своего поступка может в дальнейшем удержать ребенка от неверного шага. Иными словами, пусть лучше он обнаружит, что эта подарка другу новенькой самокаты, чем лет через двадцать неожиданно поймет, что серьезная вещь отобрана у него друзьями-приятелями.

При появлении новой вещи в вашем доме попробуйте найти ей "хозяина" – чья она, в личном пользовании или это семейная вещь. Ненавязчиво поговорите с ребенком, что он может с этой вещью делать, как распоряжаться ею. Вспомните и свое детство, расскажите, как вы берегли (или не берегли) свои самокаты, куклы и другие ценности. Иными словами, проверьте перспективу "жизни" той или иной вещи. Тогда ребенок, если хотя бы в неосознанном, с точки зрения взрослых, возрасте, отобразит, разбабахь, поразмыслит, или сохранилась так хорошо, что служила еще много лет и была самой любимой. Одно пожелание: старайтесь не запугивать ребенка печальными последствиями, иначе он может чрезмерно отказаться от прав обладания.

Очень важно заранее принять все убытки. Задайте себе вопрос: согласны ли вы потерять какую-то сумму сейчас, когда многое поправимо, чем столкнуться с необратимой ситуацией в дальнейшем?

С нами ребенок учится, имея "стратегию", которой у него, возможно, не будет в жизни. Поэтому пусть он при нас совершает свои маленькие безобразия. Задача – не ругать и укорять, а разбирать вместе эти случаи. Всегда объясняйте, почему потратить деньги лучше именно таким образом. Вполне возможно, что сама вещица, в дорогущем виде – возможные варианты, соотношение качества и стоимости, не влияние на отношения с другими людьми. "Теперь ты сможешь прилагать своих друзей на свой день рождения вместе с ними!" Это прячет ребенка ВЫБИРАТЬ, а значит, анализировать альтернативы.

Советуйтесь с ним и при совместных покупках, обсуждайте и свой выбор. Пользы двойная: защите, какое ход его мыслей, что для него является критерием успешности покупки ("как у всех", "как ни у кого", "очень дорогая", "очень красиво", "выглядит дорого", "все аншуг"), так вы получите иной взгляд – со стороны.

Четко соблюдайте договоренность: никаких "дополнительных" финансовых вливаний, если ребенок нерационально распоряжался первоначальной суммой: всегда отдавайте обещанное и не обещайте невозможного. Самая распространенная ошибка родителей – это компенсация утерянного (неправильно потраченного) ребенком. Так мы даем ему урок: все наши ошибки оплачивает кто-другой. Но разве это так?

Обязательно опредеите систему финансирования вашего ребенка. Чем раньше он получит в свои руки деньги, тем лучше! Ведь для этого нужно научиться чему-то, например выращивать цветы, разговаривать по телефону, надо делать это как можно чаще. Навык формируется при непосредственном действии и его многократном повторении!

Это несколько принципов, стали основой системы финансового воспитания нашего сына. Не главный тезис: карманные деньги – это те средства, распоряжаться которыми ребенок, если сам не сможет усмотреть, всегда иногда и на наших глазах.

Карманные деньги – это не способ поощрения или наказания, а средство развития определенных навыков, своеобразный инструмент – такой же, как нож или вилка (для еды), молоток (для забивания гвоздей), лейка (для поливания цветов).

В первую очередь, надо определить периодичность выдаваемых средств, их размер (сумма), перечень затрат, затрудняющих ребенка, показывать отношения выдавать средства ежевечерейо (в лучше – в начале недели, так как за выходные обычно они тратится большая их часть). Это для школьников. Для дошкольников, выходит, лучше давать, перед выходными, чтобы "поиграть" потратить разумно, но без насилия. Наберитесь терпения спокоств их умудряемым ребенком.

Чем меньше ребенок, тем меньше должна быть выделяемая сумма денег. Исходить надо из ваших возможностей, но в учитывая запросы ребенка: поинтересуйтесь у него, какая сумма его бы устроила. Если его интересы слишком завышены, обсудите это с ним. Напомните ему, как он хотел не купить и как хорошо, что не поторопился! Вспоминайте об этом опыте всякий раз, когда возникает подобная ситуация, но старайтесь вспоминать разные случаи, а не один и тот же.

Обращайте внимание на то, приносит ли ребенок сдачу из магазина. Не лучший вариант, когда он прыскает оставлять ее себе. Более эффективно – дать какую-то сумму в виде поощрения после того, как вы сделаете ребенку выговаривание. Однако, на мой взгляд, лучше такого не делать, так как это вызывает как плата за естественную помощь.

Система штрафов – это что-то вроде деловой игры, когда ребенок ещё и не смертельные, но весьма неприятные. Такая игра может послужить неплохой диагностической процедурой. Уверяю вас, вы узнаете много интересного о своем ребенке – несколько он готов к материальной ответственности за свои действия, насколько самостоятелен и справедлив, внимателен к потребностям других.

Естественно, система финансовых штрафов применяется только к детям старше пятисести лет, которые понимают, что такое. Обычно дети знакомятся с понятием "штраф" в общественном транспорте, когда кто-то не платит за билет. В семье первое упоминание о штрафах может быть, как правило, в случае, когда мы дает ребенку деньги в долг.

Не давайте в долг много, соизмеряйте величину суммы с реальной возможностью отдачи. Иначе просто сделаете ребенку подарок, чтобы не провокировать невозвраг денег, но – обязательно до того, как вы договоритесь о займе.

Если вы дали ребенку в долг – обязательно требуйте возврата всей суммы в срок. Сразу оговорите штрафные проценты (пени) и не стесняйтесь выполнять на их выплате. Пусть ребенок поймет, что за невыполненные обязательства надо платить.

Хорошо закрепить свое соглашение письменно. Расписка повышает ответственность ребенка за данное слово и позволит в будущем внимательнее относиться к чужим обещаниям, настаивать на соблюдении взаимных договоренностей.

Пробуйте и сами занимать деньги у ребенка, а потом предомнюгрируйте, как нужно вести себя при их возвращении. Обязательно пишите расписку. Это повышает значимость события и дает модель поведения на будущее.

Письменный договор всегда оказывает впечатляющее воздействие на детей! Как же они вырастают в собственных глазах, когда ставят подпись на отпечатанном листе! Мы впервые обратились к такому способу, когда распределяли обязанности по стирке: ребенок готов взять на себя стирку своих вещей и на что отвечает мама, родители. Вот, ребенок "подмахнул" первый договор не глядя... А когда прочитал – увидел "ветчиность" – ужаснул: "Ну, уж нет! Я так не согласен!" Однако мы ему спокойно объяснили, что все документы, которые он подписывает, необходимо внимательно прочитывать и изучать, так как договор вступает в силу с момента подписания, а несоблюдение условий договора ведет к штрафным санкциям. Вот, что ребенок сказал на свою проверку, но все же сказал: "Хорошо, уж в следующий-то раз я буду умнее!" (Что и требовалось нам). Тогда мы искусственно создали этот прецедент).

Еще одно условение. Договор составляйте на небольшой срок – на месяц, на неделю – для проверяемых, например, навыков и для "трудных" учебных успехов, вновь возникшей в ребенке, и обстоятельства, и вашим взаимоотношениям. Например, сейчас в нашей семье давно не используется письменная форма договоренности: достаточно устного соглашения, которое выполняется добросовестно обеими сторонами.

Что может быть предметом договора? Да что угодно: распределение обязанностей по дому, время прогулок и время возвращения (что особенно актуально в подростковом возрасте!), часы приема друзей (и наших тоже!) – то есть, все то, что вызывает определенные проблемы в ваших взаимоотношениях. Но помните, что договор – это когда обе стороны удовлетворены его условиями.

Используйте систему залога, если у ребенка нет денег на выполнение долга. Оговорите, что может послужить залоговой вещью, и обязательно забирайте ее за долги! (Если нельзяо забрать навсегда – оговорите в виде: "пока ты не выполнишь долг, я не буду играть с тобой!" Только помните, что она должна быть значима и дорога для ребенка, иначе акт теряет смысл.) Не вздумайте ребенку "пусть сначала отдаст мне свою вещь" – это не залоговое вселенная, чем перед несколько лет заложенного дома, возможно, наверное.

Еще один вопрос, который можно назвать "вечно дискуссионным": платить ли за домашнюю работу или за хорошую учебу?

Каждая семья решает его по-своему. Мы решили так: за выполнение домашней работы не платили никогда. Наша логика была такова: каждый вносит посильный вклад в домашние дела, поэтому работа по дому не вознаграждается дополнительными. (Когда нам сам отказывался что-то делать, мы всегда предлагали "подумать вместе": кто из нас и что делает по дому? Справедливо ли такое распределение нагрузки, одинаково ли мы работаем на нашу семью? И справедливо ли : когда один делает, а другие – нет? По правилам ли это?

С учебой сложнее. Мы пробовали несколько вариантов, но одно правило вывели незабвенное: есть обязательный минимум, который выплачивается несмотря ни на что, а есть – "премиальные", которые зависят от учебных успехов.

Хотя схема с премиальными нам помогала плохо: ребенок старался скрыть плохие оценки или просто учительствовать их все в одну неделю, когда все равно тогда "премию" (какая разница – штраф за одну "тройку" или за пять).

На мой взгляд, учебные успехи нельзя связывать с поощрениями или наказаниями, они часто достаточно условны и зависят от многих факторов: способностей ребенка и "особенностей" учителя, сложности предмета или отдельных тем, взаимоотношений в классе и многого другого, что не всегда подвластно взрослым.

Мы пришли к выводу также, что с учителями надо меньше говорить о наших способах влияния на ребенка – часто они начинают шантажировать его, задевая больные стороны, нередко делают это при всем классе.

Что же дает детям система самостоятельного распоряжения деньгами?

Умение считать (в прямом арифметическом смысле: складывать, умножать, делить).

Знание о соотношении стоимости вещей и услуг.

Умение выбирать (между двумя "хочется", между нужным и необходимым, хорошим и плохим). А это умение развивает мышление и способность анализировать.

Умение отказываться от менее нужного, от некачественного, от менее ценного – и соответственно определять приоритеты.

Повышается самооценка, возникает чувство собственного достоинства, появляется уверенность. "Я сам что-то решаю". А ведь самоуверенность подростка – это и есть мера ответственности человека. Чтобы почувствовать себя взрослым, надо понять себя через действие, через приобретение своих и разных ситуаций. Мелкими такое поступок – последствия – осознание – понимание – развитие – психологическая зрелость и новый, более зрелый, поступок.

Самостоятельно распоряжаясь деньгами, дети позвают себя. Иногда они с удивлением обнаруживают, что не так уж дойдут, как о себе думали: не так беспомощны, как предполагали, – и это первый шаг к самоанализу, к самоощенке.

Они познают других. Чем раньше ребенок осознает, что нередко денежные отношения являются "замусоренной бумажкой" и для дружбы, и для любви, тем меньше опасность и провокаций совершить от в дальнейшем. Хорошее интересное другого – тоже важно. Осознав, как иногда трудно лишиться части своей собственности, он не будет претендовать на собственность другого, в том числе и на вашу.

А радость благотворительности, безвозмездной помощи другим? Предложите ребенку пожертвовать часть средств на какое-то дело и внимательно наблюдайте, как у него отмечется.

Вовлекая экономические отношения со своими детьми, мы создаем уникальную возможность для них проявить себя "на равных" в отношениях с нами, родителями – заключение договоров, ходатаяние, возможность "сыновиться" на общее дело. И в этом была становления субъектности ребенка.

Знакомство с основными финансовыми понятиями – "долговое обязательство", "кредит", "договор", "расписка" – также необходимые современному человеку начальные знания в финансовой сфере. Рынок есть рынок... К тому же не исключен вариант, что обычные отношениям с дальнем станет для ребенка первой ступенькой в выборе сферы профессиональной деятельности.

Умение просчитывать свои действия, видеть последствия того или иного решения – это тоже результат владения собственными средствами. Наш сын начал выезжать за рубеж на учебу с детвой лет. И вот мы его проводили, дали ему несколько долларов, несколько в этих поездках. Когда он приехал нашед немножие марки, фунты, доллары, мы не забыли ему. Он рано поехал, часть эта пропадала, а большинство, а остальные грратил со спокойной совестью. Опыт пребывания в разных странах позволил ему соотнести уровень жизни в них (с экономической точки зрения) именно потому, что он сам платил за гамбургеры или кока-колу, сам решал, как лучше отдохнуть, во что вложить свои средства, а без чего можно и обойтись.

Размышляя о социализации ребенка, мы, как правило, беспокоимся о его общительности, гибкости, мобильности, самостоятельности. Но и деньги нам удается найти "инструмент", с помощью которого можно было бы реально проверить эти важные качества. Естественно, умение обращаться с деньгами не является единственным инструментом. Но то, что в наших новых бывалых условиях это умение необходимо, по-моему, вполне очевидно. |

ВСЕ МЫ БЫЛИ КРОШКАМИ

анатолий цирульников
– доктор педагогических наук, писатель

Такие учреждения до революции содержались меценатами. Потом ВЧК, из недр которой вышел Макаренко. В 80-е, в оттепель, колонии для малолеток, сейчас они называются "специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа для подростков с девиантным поведением", передали Минпросу, со всей тюремной атрибутикой. Во многих местах так и осталось по сей день. У них в Шексне – от Вологды местах не столь отдаленных – тоже был трехметровый забор, сверху рабица. Кругом стадиона – решетка. Пятьдесят человек – служба охраны. Во времена перестройки забор снесли, а вместо надзирателей пригласили психологов. Развалили, короче, "берлинскую стену". "А что дает разрушение стены?" – спросил я здешнего начальника по безопасности Владимира Шувалова. "Доверие, – ответил он. – Мы вам доверяем..."

Белые поднснежники

Поступают сюда дети по решению суда, сроком до трех лет. Обыкновенно за кражи, бродяжничество, грабежи, случайные убийства. Возраст воспитанников – от девяти до пятнадцати, если старше – идут в колонию. Контингент в основном вологодский, есть костромские, мурманские, несколько человек прибыли из Томени, очень крутые. На иного посмотришь – будущий вор в законе. "Ведут себя жестко, конкретно, – не без восхищения заметил заместитель директора учреждения. – Природа, видимо..."

Находятся тут сто с лишним мальчиков и немного девочек, появившихся два года назад. Это новшество, обычно в подобных учреждениях состав не смешивают. Но пару недель, объяснили мне, пойдет в колонию взрослых, и опыта общения с противоположным полом не будет. "А может, он потому такой, что с женщинами, девочками не общался, любовь и прочее", – рассуждал подвижный меня вечером по территории в отсутствие директора Владимир Шувалов. Многие попадающие сюда дети белой постели не видели. Не знают, как ложку держать. Годами не учатся в школе. Тут, в Шексне, она не по возрасту, а по уровню: в первом классе есть двенадцатилетний, до прихода сюда знал семь букв. Хотя в своем деле дока. Сыщики из районного управления внутренних дел изучали тут опыт: ребята им рассказывали, как работают, кто режет, чем. Те слушали и все подробно записывали. Пособия, говорят, у них старые...

Утром появился директор Алексей Пискунов и уточнил о девочках: тоже не сахар.

Ждали чего-то особенного, а прибыли те же мальчишки в юбках: курение, драки, мат. Нужно было сначала сделать из них девочек. Сексуальный опыт у немногих: обычно подвал, тоскливомания, там ее насилуют, и она порывает связи со всем, со школой. А у большинства не было, как ни странно, никакого сексуального опыта. Все, что у них было, – "ларьки ломали", как выражаются воспитанницы. Папы? Только у нескольких, у остальных отчимы.

Но еще неизвестно, что лучше. Встречаются такие родные, что за три года ребенок письма не дождется. Выходит из спецучреждения, а мама говорит, что отвыкла от него, дайте ему еще год. У некоторых родители в тюрьмах, лагерях строгого режима по соседству, в том же районе. В детском учреждении добиваются контактов. И ребята говорят: вот выйдем, будем мать, отца ждать, кто быстрее. Как бы там ни было, а родители все равно самые лучшие. Пироги из дома были вкуснее. И для этих ребят из специнтерната, и для других – из детдома, куда, если повезет, могут попасть шекснинские. Детские дома не для сирот, а для детей при живых, рядом живущих родителях, теперь есть почти в каждом районе. В Бабаевском детском доме, где находятся и шекснинские воспитанники, я неосторожно вспомнил про отчий дом, и тихие, разомлевшие перед сном детки вдруг взорвались, стали говорить взахлеб: у них в деревне и деревья выше, и в реке рыбы больше, и трубки толще, такие, знаете, что, когда ломаешь, иголочками обжигают.

Многие из деревень, но – в это трудно поверить – на отношениях с родней это никак ни сказывается. Как-то с концертом приехали в село, откуда был воспитанник, – ни один родственник не вышел...

В личные дела лучше не смотреть. Одного мальчика на цепи все лето держали. Другого отец в петлю толкал. С третьим бабушка сожительствовала. И вот после этих "милых" отцов, матерей, бабушек что же такое нужно сделать – невероятное, – чтобы человечек тихонько распрямился и написал:

Белые поднснежники
Распустились вновь.
Отвечай, природа,
На мою любовь.

С упором на "отвечай" продекламировал директор шекснинского учреждения Алексей Пискунов и засмеялся.

"Психолога давайте!"

Вечерняя линейка. "Школа, равняйсь! Смирно! Сегодня у нас в гостях..." Когда представили меня, доктора педагогических наук, это прозвучало так глупо тут, так беспомощно.

Итоги за день: 5 "6" четыре благодарности за кружки, потеря два балла, замечание за курение. Я фотографирую. "И меня снимите!" Девочки со мной здороваются и ласково улыбаются: "Вы с нами пойдете?" – имеется в виду в столовую.

Перемещение по территории колонниам, в сопровождении воспитателя. Иначе за некоторыми не уследишь. На Западе в подобных учреждениях, которых, скажем, в США в несравнимо раз больше, чем в России, на одного ребенка приходится один взрослый.

Для нас это пока недостижимо, но по сравнению с обычным спецзаведением в шекснинском большой прогресс: на группу от девяти до двенадцати человек – пять педагогов. Называется семьей: есть глава семьи – некоторых дети зовут "батя", есть "мама", классный руководитель, учитель труда, воспитатель. Еще пробуют создать группу сопровождения: "домашний психолог", "домашний доктор"...

Режим для такой: подъем в семь утра, в двадцать один – отбой. Двадцать кружков, производство, ОТК, шьют детскую одежду с бирочками. Много спорта. Кормят намного лучше, чем на воле. Именинику – пирог. Вставая из-за стола, говорят хором: спа-си-бо...

Самое главное, объяснял мне зам. по режиму, не допустить побега. Хотя то, что ребенок бежит, – естественно. У них это сделать не трудно: калитка открыта, но ЧП в последнее время не было. А когда были заборы, делали подкопы. Ну и сейчас, конечно, не все гладко. Затоскуют. Или письмо придет плохое. Психологи подключаются.

Психологическая служба существует тут уже десять лет и стала для детей настолько привычной, что случаются курьезы. Одного здешнего пацана по достижении выпускного возраста отправили в интернат, и тамошний директор, не справляясь с парнем, с досадой стал спрашивать: "Ну чего тебе еще надо, чего?" "Психолога дайте, – неожиданно заявил тот, – с психологом хочу говорить..."

Ну дошел человек, прокомментировал этот случай директор шекснинской школы Алексей Пискунов, надо же к кому-то обратиться, когда плохо.

Скажем, в Санкт-Петербургский институт сказкотерапии, опыт которого здесь используют. Оказывается, сказки снимают эмоциональную напряженность, агрессивность, помогают душе раскрыться, наладить взаимоотношения с людьми – именно то, что необходимо шекснинским воспитанникам. Почему-то особенно детям нравятся сказки о созвездиях, у каждого знака зодиака своя сказка: люди Овна, полохзм, храбрые и честные. Близнецы – талантливые. Дети очень ждут своего созвездия. Просят предсказать будущее: как у кого сложится судьба. Сказкотерапия, арттерапия, игротерапия. В спальне, где кровати в два яруса, на одной – плошевый мишка. Они ведь в социости, сказал директор, не наиграшиеся дети...

Первое, что нужно, – постараться понять их. Приходящих сюда педагогов учат: вам нужно поговорить об обиде? У детей спросите! Вам нужно поговорить о силе? У них спросите! И о цели. И как быть честным. Если ты, взрослый, говоришь с ними об обмане, не говоря, что ни разу не обманывал.

Педагогов для подобных учреждений никто не готовит, только начали в Санкт-Петербургском международном университете семьи и ребенка им. Р. Валленберга. Поэтому в шекснинскую спецшколу педагогов вначале отбирали интуитивно. Сам директор, Алексей Пискунов, молодой интеллигентный человек в круглых очках, очень отдаленно напоминающий Макаренко, кажется совершенно не типичным руководителем подобного рода учреждений (ну, да шекснинская школа тоже пока не является типичной). Заместитель директора по режиму (здесь этого слова не любят, предпочитая аббревиатуру ПОН – "педагог особого назначения") Владимир Шувалов на первый взгляд смотрится более привычно: здоровенный такой мужик, бывший преподаватель музыкальной школы. Пришел сюда временно, подработать, а вышло иначе. Считает, что между одаренными и беспризорными детьми никакой разницы нет. "Я тоже, – говорит, – вначале думал, что они тут бандиты. Ничего подобного. Те же дети..."

Взрослого человека они чувствуют – улица учит – интуитивно и безошибочно. Бывает, придет десантник – и не может. А приходит хрупкая девушка – и остается.

В детние каникулы те, кто не уходит домой, уезжают на остров и разбивают там палаточный лагерь. Мимо огни теплоходов. Пацаны такого в жизни не видели. Почему-то на природе не бывает ни замечаний, ни стычек. Еще есть экспедиции, исследование озер, родников и рек, генеалогические деревья, духовные места Вологодчины. Во сколько же раз в этом пенитенциарном заведении больше нормальной педагогики, чем в обычной школе?

Государство не для меня

Законы жизни, записанные в вестибюле школы: "Делай добро!", "Люби и прощай людей!", "Бойся обмануть человека!", "Не теряй веры в себя!"

"Так вы думаете это отсрочка?" – спрашиваю директора, имея в виду печальную статистику: многие выпускники школы позже оказываются в местах лишения свободы. Он кивает: к сожалению... К сожалению, лишь временная отсрочка, возможность показать, что можно жить иначе, иногда просто оградить ребенка от жизни, которая калечила.

Десять лет назад, рассказывает директор школы Алексей Пискунов, впервые пригласили специалистов – психологов, психиатров и задумались: что представляет собой этот ребенок? Злая воля? Нет, не так просто. Им владеет сила, которая ему не подвластна. Обследовали – большинство больны. Асфиксия во время родов, загазованность, у трети – прямое порождение нервной системы. Еще у тридцати процентов пограничное состояние: не болен, не здоров. И только треть – просто педагогически запущены.

Вот тогда, десять лет назад, убрав заборы и сняв конвой, то есть охрану от детей, они начали постепенно заниматься охраной детей. И тогда стали исчезать наколки, жаргон, "бугры".

У них давно уже не исправительно-трудовая колония. И их принцип – не исправлять и не пытаться перевоспитать человека, но выстраивать вместе с ним то, что называют "траекторией развития", "индивидуальным маршрутом", хотя в одиночку ходить по территории пока еще не допускается.

Есть программа отслеживания динамики реабилитации – так называемый портрет выпускника, который мне изобразила на мониторе руководитель лаборатории Ирина Пестовская. Но нет, по мнению директора и сотрудников шекснинской школы, критерием: каким надо выпустить отсюда ребенка. Сидет – не сидет – это не критерий, это потом, а педагогам, самому ребенку надо увидеть что-то сейчас: чему научился, что он умеет в жизни.

Есть у них такая игра – "Государство для меня". Государство в пределах школы, позволяющее понять, что это такое. Где есть свободные средства информации, свое производство и свои деньги, свой ритуал въезда и получения вида на жительство, свои адвокатура, когда ребенок имеет право обратиться к взрослому и сказать: у нас такая ситуация, мы сейчас разыграем, помоги, будь на моей стороне...

Наивная детская игра в честное государство, готовит ли она к всамделишному? И до какой же оно степени устроено "не для меня", если привыкшие находиться в экстремальных условиях выживания эти дети боятся жизни. Страшно боятся выхода из школы. Я говорил с мальчиком, который после трех лет пребывания в закрытом учреждении по собственному желанию остался еще на два года. Дети испытывают то же самое, что отцы в соседнем лагере строгого режима. "Сел в одной стране, – вспомнил я слова начальника, – а вышел в другой".

Как сделать, чтобы хотя бы дети не боялись свободы?

Неблагодарное дело – воспитывать этих детей, говорит директор Алексей Пискунов. Обычные выпускники приходят в свою школу, помнят, а нашу стараются забыть.

Очень дорогое удовольствие – воспитывать таких детей.

И потому, что стоимость содержания тут ребенка три с половиной тысячи в месяц, да и в других смыслах дорогое. Не эффективное... Каждый четвертый выпускник их школы оказывается в местах лишения свободы.

Но трое-то не оказываются.

В коридоре спального корпуса на всю стену прикреплен лист бумаги, на котором дети перестройки и постперестройки, четырнадцатилетние выпускники, самовыражаются, оставляя автографы на память.

"Я любви мальчишек столько правды, сколько звезд на небе". "Мы любим тех, кто нас не любит, изводим тех, кто любит нас".

Иногда – целая поэма из любовной лирики:

"По дороге, снегами завьюженной,
Я бреду по судьбе, по разрушенной.
Одинокая, всеми проклятая,
Без вины, но во всем виноватая".

И на прощание:

"Воспитатели, спасибо вам за все".
"Пока, девочки, бай-бай, прыщики!"
"Все мы были крошками..."

КОГДА ОНИ УХОДЯТ...

гарри бардин

Что делать, когда дети готовы уйти, – это секрет Полишинеля. Никаких дебатов тут не нужно. Конечно, в нашем подспудном нежелании отпускать детей замешано и чувство родительского собственничества. И мне знакомо это чувство – это чистый родительский эгоизм, когда никак не можешь пережить, что вот это, кажется, полностью твое – уже не твое, а само по себе. Это первое, что трудно пережить и к чему трудно привыкнуть. Второе – трудно принять: то, что казалось полностью твоим, оказалось вовсе не твоим, а чьим-то...

Причем до какого-то момента мне помогала моя профессия. Я сам задержался в детстве в силу профессиональных занятий – то кино, которое я делал и делаю не только для детей, но и для детей тоже. Профессия режиссера анимационного кино – по самой природе этого искусства, мультипликации, – предполагает, что ты должен понимать детскую аудиторию, чувствовать ее. Кажется, мне это удалось. Я даже снял фильм о чувстве одиночества, которое посещает ребенка, – это "Чуча", про мальчика, который в рождественскую ночь придумал себе чудо-няню. То есть я могу понимать одиночество детской души, но мой собственный ребенок, теперь уже взрослый человек, остается для меня в каком-то смысле загадкой. Отношения отца и сына в прошлом. Теперь уже в силу вступают иные отношения – отношения между мужчиной и мужчиной. В нашем случае еще сложнее – отношения между коллегами-членами одной семьи – мой сын Павел – режиссер игрового кино.

Преодолеется же все само собой. Преодолеется и рассосется, когда появятся внуки, когда им можно будет передать весь тот запас (или избыток?) любви, который в силу быстротечности времени и скорости взросления наших детей не был востребован ими. Я думаю, таков круговорот отношений, эмоций в природе.

ОПЫТ НЕВЫЖИВАНИЯ

Григорий асмолов

— 21 год. В прошлом — школьник России, ныне — лейтенант армии Израиля. Но и в прошлом и в настоящем, и в будущем — человек, воспитывающий детский культурным, человек влюбленный в Льва Выготского, Юрия Лотмана и Иосифа Бродского. Человек, который ищет себя в науке, литературе, музыке и психологии. Ищет, изобретает "Опыт невыживания", чтобы жить в нашем зрелом и неопределенном мире...

Современная сказка разрывается между желанием сказать правду о мире и вместе с тем понимает: сказать это страшно, не грубо... Принести на к хорошему концу, ведь это все-таки сказка, а детям еще рано знать о страшном? Вот только оно обманывает... И если в народной сказке злое всегда был Змей Горыныч, Баба Яга или, в крайнем случае, Синяя Борода, так кто же олицетворяет зло в современной сказке и какой путь борьбы с этим злом выбирает для себя ее герой.

На маленьком астероиде живет себе Маленький принц, с розой, тремя вулканами, закатами и подрастающими баобабами. В один прекрасный день он пропадает из-под стекла маленьким мерзе и отправляется в путь к перелетным птицам. В начале он путешествует по астероидам, встречая их обитателей, а потом попадает на землю, где находится ровно год... Ну а потом — возвращается обратно — к своей розе, потому что не понравилось ему ни чужие астероиды, ни планета с "зеленой репутацией" под названием Земля.

Кто из нас не испытывает сантиментов к этой истории Маленький принц... Лис... Роза... Смелый летчик Антуан де Сент-Экзюпери... Рисунки в школьных тетрадях, песни о том что "маленький принц, ты на земле необходимо нужен", "Маленькие штаты", "Ты глазами глазами не увидишь", "среди людей одинок" и "мы ответственны за тех, кого приручили"... Последнее вообще чуть ли не стало лозунгом поколений и изнашенной фразой в дневниках суицидальных женщин и романтических дам... Маленький принц становится мексейл... Он прибывает к небу, учит нас истине, заключающейся, по сути дело в пути к истине, и заменяет "возлюбите ближнего своего" на простое и четкое — "отвечайте за приручённых"... Заменяет и возвращается к Розе. Но показанный путь истинный должен уйти, чтобы не мешать идти по нему идущим за ним. В конце концов, судьба любого месте стать знаком массовой культуры, а потом и мифом...

Однако превращение в знак культуры неизбежно тянет в себе опасность утраты собственных черт, их потери в потоке лозунгов и цитат... Так Маленький принц превращается сначала Винер Гарсия в "маленькие гда", который преследуется тебя по питам в самых темных закоулках твоей жизни и твердит тебе, твердит будто вором Эргара По — "Мы ответственны за тех, кого приручили. Главного глазами не увидишь. Зорко только сердце". И запаяние в ухо, задыхаешься, теряешь этой истиной сознание просит оставить его в покое, разрывается отчаянным крыком "НЕ ХОЧУ!".

Так современная сказка превращается в стихие писание, с подчеркнутыми фразами и потрепанными закладками. И снова песни, пьесы, фильмы, научные комментарии... Процесс цифеоритизации идет полным ходом согласно расписанию поездов и прогнозу погоды. И перевратив собственную жизнь в не очень фору цитирования, мы часто забываем о том, что вместо того чтобы учиться истине, все что нужно — это только нуждаться...

Сказка всегда представляет собою некую детскую модель мира. Она должна быть просто. Есть добро, и есть зло, есть центральная сказка и сказки более и не менее второстепенные — и сказка живет конфликтом этих двух начал... Колебаниями их равновесия. Центральным противостоянием Сент-Экзюпери являются дети и взрослые

Вот как Экзюпери рисует взрослых:

"Взрослые никогда не понимают сами... Я долго жил среди взрослых. Я видел их совсем близко. И от этого, признаться, не стал думать о них лучше... Я боюсь стать таким, как взрослые, которым ничего не интересно, кроме цифр. Ничего они не хотят. Они спят в вагонах или просто сидят и зевают... Все-таки странный народ эти взрослые".

Ну а что же дети? "Один только дети знают, чего ищут, — проколол Маленький принц, — Они отдают все свои для тряпичной куклы, и она становится им очень дорога, и если ее у них отнимут, дети плачут..."

Сент-Экзюпери противопоставляет детей и взрослых — "Взрослые никогда ничего не понимают сами, а для детей очень утомительно без конца им все объяснять и растолковывать"

Он даже представляет нам некий психологический тест, который помогает за секунду узнать — взрослый перед вами или ребенок. Нужно только посмотреть на рисунок и сказать, что вы там видите... Шляпу? Ну, тогда все с вами понятно.

Однако между этим черным и белым есть связующее звено — "Ведь все взрослые, сначала были детьми, только мало кто из них об этом помнит". Белое и черное здесь едино, словно два разных состояния одного и того же вещества. Но когда вода превращается в пар, разве можем мы сказать что добро превратилось в зло.

Маленький принц живет в своем маленьком мире — этот мир и есть Маленький принц. Когда ты живешь на одном астероиде — внутреннее неотделимо от внешнего. Все это пространство — и вулканы, и закаты, и розы принадлежат тебе одному.

Но однажды он решает покинуть планету. Почему — "я поссорился со своей розой" (так объясняет это Маленький принц детчику). Однако их прощание — это не прощание нежнающих друг друга, а, скорее, давнего — ухода, просто потому, что не может быть иначе... и поэтому это прощание звучит: "Адиэ!", — говорит Маленький принц, но если вглядеться в это "прощай", замечаешь, что в переводе с французского его изначальный смысл просто — "Встретимся у бога". Так уходит, когда нельзя остаться. Так заходящие дверь плотной, со спокойным рисунком кухонной клеенки в рабочей жилетке, чтобы не выносят на помойку деревянную кровать с решетчатым бортиком, просто потому, что тебе уже слишком больно подражать ноги. Так Алиса перерастает сумбурный мир страны чудес, и он разлетается на куски, когда она расправляет плечи.

Птицы улетают на юг, когда приходит зима, так и Маленькому принцу приходит пора стать большим, а для такие большие вулканы, розы, закаты, если ты, конечно, не дуриш владение фразы или не отравляют любимые придорожные. И Маленький принц попадает на астероид которая — того, кем он должен стать. Но не он согласен принять такую судьбу, просто потому что "не хочет выносить сметные пирожные", да и вообще "это в несколько — странный народ"... И дальше один за другим перед маленьким принцем возникают лиц, лица, лица... Итогом каждой из этих встреч остается приказус абсурдности — "странный народ эти взрослые".

Мудрый ребенком и взрослым на временной оси роста лежит переходный период взросления. Взросление — это прежде всего уход... уход от чего-то старого и необходимость нахождения себя нового, выбора себя. Только где ищет себя этот подросток, в каком мире суждено ему сделать этот выбор, что это за выбор.

Маленький принц отправляется в особое путешествие. Это путешествие — инициация, обряд выбора, обряд перехода в качественно новый этап жизни. Не должен найти себя будущего. Если ребенком ты живешь в масштабах самого себя, своего астероида, то, взрослея, вступаешь в масштабы "большого мира взрослых", и это уже совсем другая игра"...

Сент-Экзюпери строит пересонфированную картину мира, некий алфавит, кубики конструктора, из которого складываются человеческие пейзажи.

Мы нередко встречаемся в культуре с явлением пересонфикации мира как формы самопределения... Так итальянское возрождение представляет нам палитру масок Комедии Дель Арте, Двадцатый век, смотрящий на человека как на предмет в чашечке Петри, выстраивает чрезмы выдающуюся фреску художников Кречмера и Гапуэлдиса, Иосиф Бродский описывает алфавит лиц своего Петербурга в позме-мистерии "Шествие", где перед нами проходят будоражные герои своего времени — Гамлет, Дон-Кихот, Кроль, Кракозов, Поэт, просто Усталый человек, Гамлет и Кроль из них, а может, и в нескольких каждый упавет себя. Это архетипы личности, живущие в культуре и, по сути, на порождающие.

Перед Маленьким принцем подобным шествием проходит король, географ, пьяница, фонарщик, деловой человек и честолюбец. Каждый из них — как спектр маски — Маска — потому что язык пересонфикации — это язык масок, язык стилизации человека до понятного и простого, прокрустово ложе, в котором нет места лишнему, даже если это такое или иной.

Так Маленький принц знакомится с миром взрослых, в котором ему предстоит жить и, главное, — где ему следует найти себя, а по сути, "выбрать себя" в рамках алфавита согласно условиям и условностям мира, в который ты вступаешь, согласно "ассортименту" и "меркам", которой этот мир тебе предлагает. Возможно, от уровня активности твоего полка зависит, выберешь ли ты маску сам или одену ее на тебя. Только не обманывайся словом "маска". Назовем точнее — "железная маска". Когда человек одевает ее, сидя у него не вместе для переговоров, а вне его выдает только тонкие-тонкие щели, что когда очень жарко и глаза залитает потом, стоит только "дернуть за веревочку" и маска упадет. Маска становится человеком, она и есть человек, она — сделанный выбор и от нее не убежать... Разве что в карнавальном шествии, когда поверх маски самого себя ты одеваешь еще одну.

Путешествие Маленького принца пролегает от модели "одинокости" — своей клетки, своего астероида, к модели "растворенности" — человека в мире многотажных масок и миллионов окон.

Сначала Маленький принц знакомится с масками этого мира. Ему представляется выбрать между "теоремой маститого короля", он должен найти себя в рамках алфавита его нового мира. И все, начиная с самой "естественной" маски короля, Маленький принц отвергает, как бы раз за разом подтверждая — "странный народ эти взрослые".

А на земле, в конечной точке путешествия, Сент-Экзюпери показывает Маленькому принцу самого страшного из "персонажей" этого мира — "людей без корней", растворенность, а значит потеря "корня". Маленькие рамки ранее персонажи приобретают масштабы своего существования. Маски показывают свое истинное лицо. Потому что в поездах, проносящихся мимо стрелочника, слуги и пьяницы, и фонарщики, и деловые люди, и короли...

Маленький принц может быть почти кем угодно... Есть только одно небольшое "но" — он не может быть Маленьким принцем, новый мир не предусматривает его существования. Маленький принц не помещается в прокрустово ложе мира. Маленький принц не может быть в этом алфавите, которая бы называлась "я остаюсь собой".

Мир ребенка и мир взрослого здесь взаимоисключаются. Если в мире Маленького принца роза — единственная, то в мире взрослых — объемная до невозможного: сады из тысяч. Стать взрослым значит принять эти условия игры. Стать взрослым значит выбрать и надеть на себя маску и стать этой маской.

По сути, взросление ставит перед Маленьким принцем вопрос выбора как вопрос отказа от себя. Он хочет остаться самим собой. Но он вырос, и его тело "слишком тяжело", чтоб вернуться обратно. И тогда он выбирает "приемлемую для меня маску" — это выбор маски, это путь отказа от маски и вместе с тем единственная дорога не предать в себе Маленького принца.

"В тот день, когда ты горько пожалешь о своей покинутой планете, я сумею тебе помочь," — говорит змея при первой встрече с Маленьким принцем. И ровно через год Маленький принц возвращается, сделав свой выбор. Хладнокровно и четко обговаривает он условия своей смерти. Это только взрослые думают, что дети не знают, что такое смерть. "А у тебя хороший ядъ? Ты не заставишь меня долго страдать?" Нет, это сказка, а в сказке нельзя говорить о таких неприятных вещах. "Тебе будет больно на меня смотреть. Тебе покажется, будто я умираю, но это неправда..." "Мгновение он оставался недвижим. Не вскрикнул. Потом упал — медленно, как падает дерево. Медленно и неслышно, ведь песок приглушает все звуки". Змея как пусть возвращения на астероид — это же сказка для взрослых.

Маленький принц осознанно идет на самоубийство, потому, что понимает: любой выбор из тех, которые ему предлагает его алфавит — это выбор смерти, это выбор отказа от себя, по сути, тоже самоубийство, только более страшное... И тогда он выбирает змею, потому что, только уйдя из мира, только отказавшись от тела, он может сохранить себя, остаться самим собой... Тело в загоре от времени предает тебя, ну это же — предательство достоин смерти... Остаться в живых — значит уйти единственность розы и принять мир тысяч роз... "Ради Вас не захочется умереть", — обращается Маленький принц к розам, встреченным на земле. Но уникальность той розы достойна смерти.

Эта дилемма — не гамлетовское "быть или не быть"... Здесь стоящий перед героем вопрос намного более страшен — "Не быть или не быть"... Подобные вопросы не решаются дуэлями с братьями возлюбленных утопленниц и местью убийцам своих отцов.

Марина Цветаева в стихотворении "Молитва" пишет, обращаясь к создателю: "Ты дал мне детство лучше сказки, так дай мне смерть в семнадцать лет".

Французский драматург Жан Ануй создает свой вариант софокловской Антигоны и вместо пречесной героини, в центре которой стоит нарушение фундамента мироздания перед нами представ трагедия "Ужей, смутой и заговорами, которую никто в единственного. Быть прирученным — значит быть единственным для кого-то, и единственностью это жевешь.

Приручение — это нежое, пускай убогое, но противоядие маске... Это маленькая трещинка в твоей растворенности... Это значит сделать тебя не одним из, а уникальным — пускай для кого-нибудь одного... Это когда поверх твоей маски или помимо нее в тебе творит твою неповторимость... вопреки всему — "раковину улицу, мне творила шестка", пишет Иосиф Бродский.

Приручение придает миру черты знакомые только тебе, делает его только твоим в месте с тем делает тебя уникальным для кого-то другого. Приручающий и приручений — это некий симбиоз в мире масок, где время не более чем тиски. Первый живет сегодняшним, второй — приобретенным мгром. Впрочем, четкость разделения розей не обязательна и процесс может быть обоюдным. Не каждому же попадется свой Маленький принц, чтобы его приручили, так что приходится довольствоваться и меньшим.

Мотив приручения проникывает насквозь всю сказку. И Маленький принц приручает — сначала лиса, потом автора (детвора) и под конец самого читателя. Он дарит им их единственность и оставляет их с ней после своего ухода.

"У каждого человека свои звезды... Но для всех этих людей звезды немые. А у тебя будут совсем особенные звезды... ... Ты посмотришь ночью на небо, а ведь там будет такая звезда, где я живу, где я смеюсь, и я ты услышишь, что все звезды смеются. У тебя будут звезды, которые умеют смеяться! ... Иной раз ты вот так распахнешь окно, и тебе будет приятно... И твои друзья станут удивляться, что ты смеешься, глядя в небо. ... И они подумают, что сошел с ума". Так говорит летчику принявший нашу приручения Маленький принц.

А на последней странице книги мы видим две неровных линии под одинокой звездой — место, где летчик последний раз видел маленького принца, то самое место, где он внезапно очутился, попав на землю. Рисунок пустоты, рисунок отсутствия... Маленький принц уходит не только от лиса и летчика, но и от читателя.

Удается ли Сент-Экзюпери докричаться до нас лакуной ухода маленького принца... Узнаем ли мы пустынность под звездой в очередном взгляде в окно, приручает ли нас маленький принц только своего ухода тем самым, даря нам нашу единственность... От того, что он хлопнул дверью, покинутым ли планета Земля в "планету людей" или только покоится картина на противоположной стене.

Только он далеко... далеко от нас так же далеко, как и от своей розы, "а она такая слабая и такая простодушная. У нее только и есть, что четыре жалких шипа..." Он далеко. Он за нас не отвечает...

КАК ГОВОРИТЬ С ДЕТЬМИ, ЧТОБЫ ОНИ НАС СЛЫШАЛИ

нарратив психотехнолога/педа фабер/клеен малинкина/ваньшина

Продолжение. Начало в пятом номере

Нашим детям когда-нибудь придется жить без нас. Поэтому так хочется помочь им вырасти независимыми и самостоятельными. Задача сложная вдвойне, поскольку мы сами по большей части зависимы и не самодостаточны. Как воспитать ребенка свободным, если мы не свободны сами?

Наш главный вопрос и наш главный ответ — передавать часть своих сил полномочий ребенку. А это значит — освободить себя от необходимости доказывать, что ты хороший родитель, почувствовать удовольствие от общения с ребенком, перестать мерить чужую на комментарии, сравнения, общение с ним, на то, что происходит **между** ними.

Одна из моих клиенток, умная и образованная мама, доктор наук, обронила фразу: "Какая разница, что мы говорим детям, главное, как говорим с ребенком". Увы, пытаясь намеренным вымощена дорога в ад. Мало кто догадается, что да действительно наступает для детей, когда они вырастают, наступает всего только из за нескольких фраз, которые мы когда-то бросали им "с любовью". "О тебе все из рук валятся", "Ничего не можешь сделать, как следует" или "Бери пример с этой девочки". Они знают эти фразы, и их не спасают наши добрые намерения, потому что из наших фраз складываются их убеждения: "Я плох и ничего не получится", "Я не заслуживаю счастья", "Я хуже других". При этом все "пострадавшие" прекрасно понимают, что родители не хотели сделать ничего плохого. Наоборот, старались защитить, научить, предостеречь, но... они это **сказали**. Вот уже поистине "мне не дано предугадать, как слово наше отзовется".

Как увидувается любящие родители сделать так, чтобы дети научились неизмоможабство достичь успеха? Путь к успеху лежит в окружении своих эффективности, а противствие на этом пути — этоо, вредное всего, нетатитные убеждения: "Я не заслужаю успеха", "У меня ничего не получится". Все подобные убеждения человека формируются в небольшом временном промежутке, от четырех до двенадцати лет. И, может быть, мы тоже — "пострадавшие", оттуда, из детства, где были хорошие намерения, но плохая коммуникация.

Отделим поведение от намерения и посмотрим, из чего же состоит коммуникация, которая оставляет детей свободными и полными, в подгрудо, особенбодет как; родителей. Наша задача разобраться в том, как помочь детям стать самостоятельными, сделать без комплексов зависимости и неполноценности. Рецепт в принципе хорошо известен — разрешить мы, но возможности, самим справляться со своими проблемами; учить на собственных ошибках. Но сказать легче, чем сделать. Каждый из нас вспомнит хотя бы один эпизод, когда терпеливо пытался перестроить именно так. Не получилось. Вот досада, пока ребенок сражается со своим шнурками, а потом вдруг нагибаешься и завязываешь их сам, за него. Потому что так получится лучше и быстрее. А стоит ребенку пострадие упомнуть о том, что поскорее с другом, ты тут как тут со своим советом и замечанием. Зачем давать ребенку ошибаться и страдать, когда надо всего лишь послушать мы и поступить так, как мы скажем.

Что такого ужасного в том, чтобы помочь ребенку — и со шнурками, и с друзьями, и с ошибками? Ведь дети еще слишком неопытны и зависят от нас. Вот здесь и кроется суть проблемы. Когда один человек зависит от другого, возникает чувство особого рода. Чтобы разобраться с этим передадим слово знаменитым авантюрам, прославившим по системе свободного воспитания по Джаннотту — **Адель Фабер** и **Элен Маздлин**. Они дадно сами стали экспертами по общению с детьми и создали ряд методических разработок. Возможно, и вам они помогут разобраться в взаке, на котором мы говорим с детьми, и в чувства, которые этот язык рождает.

Итак, мы попытаемся понять не наши намерения — почему мы так говорим? — конечно, с самыми лучшими побуждениями, — а наше поведение — что именно мы говорим, и какая за этим последует реакция.

Пожалуйста, прочтите описание ниженьких эпизодов и отметьте свою реакцию.

Вам четыре года и в течение дня вы слышите как родители говорят вам:
"Лопень, свой горшок. Тебе нужно есть кашу". "Дай я застегну тебе эту молнию". "Ты устал(а). Ложись, отдохни". "Я не хочу, чтобы ты играл(а) с этим малышком. Он говорит плохие слова". "Ты уверен, что тебе не надо в туалет?"

Ваша реакция

Вам девять лет. В течение дня вы слышите от родителей: "Зачем ты снова оделась эту кофточку? Зеленый тебе не идет". "Передай мне шорты. Я налью тебе сок". "Я уже разложила твою одежду за тебя". "Тебе помочь с уроками?"

Вам семнадцать. Родители говорят: "Тебе не стоит учиться водить машину. Я слишком нервничаю, думая о несчастных случаях. Я с удовольствием отвезу тебя, куда ты захочешь. Как только ты попросишь".

Вы взрослый человек. Ваш начальник говорит: "Я хочу сказать вам кое-что для вашего же блага. Не старайтесь прикрашивать, как изменить цвета всё в лучшему. Просто делайте свою работу. Я плачу не за ваши идеи. Я плачу вам за работу".

Вы гражданин развивающейся страны. На публичной встрече вы слышите, как гость из богатой и могучей страны заявляет: "Поскольку ваша нация находится еще на детской фазе развития, мы планируем пригласить вам экспертов и необходимые материалы, чтобы показать, как вам надо вести хозяйство на земле, как школы нужны, как делать бизнес и как управлять государством. Мы также приглаем профессионалов по планированию семьи, которые помогут сократить рост рождаемости в вашей стране".

Возможно, вы не захотите, чтобы ваши дети испытали по отношению к вам большинство из тех чувств, которые вы зафиксировали, читая эти эпизоды. Но тем не менее, когда люди, маленькие или взрослые, находятся в зависимой позиции, нарвиу с некоторой правительственно и благодащностью, они обычно переживают нашлых беспомощности, беспокойства, сопротивления и злости. Это неправомо основывать родительное, но это так. С одной стороны, наши дети полностью зависят от нас. С другой — сам факт зависимости порождает враждебные чувства.

Уменьшить ощущение зависимости у наших детей можно, постоянно побуждая их к автономии.

Поддерживая самостоятельность...

Позвольте детям сделать выбор.

Покажите, что вы уважаете попытки ребенка справиться с трудностями.

Не задавайте слишком много вопросов.

Не торопитесь с ответами.

Побуждайте детей использовать источники вне дома.

Не лишайте их надежды.

Итак можно из этих навыков, на первый взгляд, просто основных на здравом смысле, они совсем не так просты, как кажется. Требуется большая практика, чтобы научиться помогать детям быть независимыми, полагаться больше на себя, чем на вас.

Попробуйте изменить каждое из зависимой родителей так, чтобы слова способствовали автономии, поддерживали самостоятельность детей.

Родителя, как правило, говорят: "Прими ванну немедленно".	Предложите выбор, скажите иначе
"Что ты так долго возишься со своей обувью, давай сюда ногу, я сама тебя обую"	Предсмотрируйте уважение к попыткам ребенка обуться самостоятельно, скажите
"Ты хорошо провел время в лагере?" "Ты купался?" "Понравилась тебе рыбалка?" "Кто был у вас вожатым?"	Не задавайте слишком много вопросов.
Ребенок: "Почему папа должен уходить на работу каждый день?" Мама: "Папа должен работать каждый день, чтобы мы могли жить в этом красивом доме, иметь хорошую пищу, красивую одежду, и еще, и еще..." Подросток: "Я тоскаю. Я хочу, чтобы ты готовила мне диетическое блюда. Что мне следует есть?" Мама: "Я тебе уже четыре раз повторяю, перестань есть все печение и сладости и начинай питаться фруктами и овощами" Ребенок: "Папа, я собираюсь стать учителем, когда вырасту". Отец: "Не рассчитывай на это. Педагогические институты переполнены студентами, которые не могут получить работу, когда заканчивают учебу".	Не торопитесь с ответом.
	Побуждайте ребенка искать источники вне дома.
	Не отнимайте надежду.

Если вы считаете, что шесть приемов, в которых вы только что поправтаковались, не единственные, которые могут помочь в развитии автономии, то будете совершенно правы. На самом деле все направления в общении с ребенком, о которых мы писали в предыдущих номерах журнала, тоже работают на развитие автономии.

Напомним навыки, о которых мы писали прежде:

Принимайте чувства своих детей.
Опишывайте то, что вы сами чувствуете.
Называйте просто фаты.
Предлагайте совместное решение проблемы.

Когда мы прислушиваемся к чувствам ребенка, разделяем наши чувства с ним или приглашаем его к совместному решению проблем, когда заменяем оценочное суждение конкретящей фаста, во всех этих случаях мы помогаем ребенку доверять себе и полагаться на себя.

Для меня идея побудить ребенка самому справиться с мелкими трудностями жизни была революционной. Я до сих пор слышу слова моей бабушки, которая с восхищением говорила о соседке: "Она сама замечательная мать. Что только она не делает для своего ребенка". Я нарсла, свято веря, что хорошая матерн "делает все" для своих детей. Но я пошла еще дальше. Я не только делала все для них и за них, я еще и думала за них. Результат? Каждый день по каждому поводу это было столкновение вовь, закаичивающееся, как правило, тем, что вем стаовилось плохо.

Когда я в конце концов научилась передавать детям ответственность, которая принадлежала им по праву, обстановка в моем доме резко изменилась. Вот что мне помогло: когда я чувствовала, что начинаю закипать или слишком сильно волноваться в процессе, я спрашивала себя: "У меня есть ребёнк? Должна ли я брать решение на себя?... Или я могу передоверить его детям?"

Итак:

Предлагайте выбор.
Демонстрируйте уважение к попыткам ребенка справиться с трудностями.
Не задавайте слишком много вопросов.
Не накидывайтесь с ответами.
Побуждайте использовать источники вне дома.
Не отнимайте надежду.

В ен несколько ситуаций, которые часто заставляют родителей раздражаться или вовлекаться в процесс выяснения отношений. Спросите себя:

1. Что я могу сказать или сделать, чтобы сохранить независимость ребенка от меня?

2. Что я могу сказать или сделать, чтобы побудить ребенка к автономии?

Ребенок: "Я сегодня опоздал в школу. Ты разбудя меня завтра пораньше".
1. Что мы скажем в ответ, сохраняя независимость ребенка?

2. Что мы ответим, побуждая его к автономии?

Ребенок: "Я не люблю яйца, и мне надоело есть эти хлопья. Я больше не собираюсь есть этот завтрак".
1
2

Ребенок: "Ма улице холодно? Мне надеть свитер?"
1
2

Ребенок: "О, черт! Я никогда не смогу справиться с этой проклятой пуговицу".
1
2

Ребенок: "Завтра что? Я собираюсь отдыхать мои сбережения на мотоцикл".
1
2

Ребенок: "Бетти хочет, чтобы я пришел к ней в гости на вечеринку, но мне не нравится ребята, которые тоже в ней пришут. Что мне делать?"
1
2

Я подсерешю, что на один ситуацию вы отреагировали быстро, а другие заставили вас задуматься. Это, может быть, совсем непросто, найти такие фразы, которые побудили бы ребенка взять на себя ответственность. Попробуйте запасть свои варианты ответов и приплатит их, пожаулсть, в редакцию. Попробуем вместе проанализировать, что у нас получоюсь.

Насамом деле побуждение к автономии — совсем непростое занятие. Хотя мы очень хорошо понимаем, как важно, чтобы наши дети были независимы, внутри нас есть силы, которые работают против. Прежде всего, это просто соображения удобства. Большинство из нас очень, заняты и нечто торопятся. Мы обычно сами будем детей, сами застегиваем им пуговицы, сообщаем им что есть и что одевать, поскольку нам кажется, что так нашего легче и быстрей.

Кроме того, нам приходится иметь дело с сильным чувством привязанности к нашим детям. Мы воспринимаем их ошибки и неудачи как свои. А это очень тяжело — пожалуйств им, таким близким и дорогим для нас, совершить ошибки, мимоходом пытаться преодолевать трудности, когда мы уверены, что несколько наших слов могут защитить их от боли и разочарования.

Очень сильного самосогнечения и нашей стороны требует невмешательство со своими советами, особенно если мы уверены, что знаем правильный ответ. Я знаю, что всякий раз, когда мне дети задают вопрос: "Мам, как ты думаешь, что мне надо делать?" я должна бухкалось наступить на себя, чтобы немедленно не сообщить им, как, по-моему, они должны поступить.

Но есть нечто более сильное, что мешает нашему разумному стремлению помочь детям стать самостоятельными. Это глубокое удовлетворение, которое получаешь, чуствуя себя нужной маленьким существам.

Я испытала весьма смешанные чувства, когда вдруг открыла, что механический будильник будет мои малышей более успешно, чем все мои материнские напоминания. Также же смешанные чувства появились, и когда прекратилось мои работа — читать им перед сном, — дети научились читать.

Именно эти сложные и противоречивые чувства по поводу растущей независимости детей помогли мне понять историю, рассказанную учительницей начальной школы. Она потратила много сил, чтобы убедить маленькую маму, что ее сыну будет значительно лучше, если мама не будет сидеть с ним на уроках в классе. Через пять минут после того как мать ушла, обнаружилось, что маленькому Джонатану необходимо в туалет. Когда учительница предложила ему выйти, он пробормотал с несчастным видом: "Не могу". Она спросила: "Почему?" — "Потому что мама здесь нет — объяснил Джонатан. — Она застегивает мне одежду, когда я закончу". Учительница поняла, в чем дело. "Джонатан, ты можешь пойти в туалет и потом застегнуться самостоятельно". Он посмотрел на нее, широко открыл глаза. Учительница подвела его к туалетной комнате и пожаловала у дверей. Через несколько минут из закрытой двери она услышала звук застегивающейся молнии.

После уроков мать Джонатана позвонила учительнице, чтобы сказать, что первые слова Джонатана по приходе из школы были: "Мама, я теперь умею застегиваться сам, ты не нужна мне больше". "Вы представляете, — восклицала учительница, — мама сказала, что она на самом деле очень расстроилась, услышав это".

Я представила. Я вполне могла поверить, что несмотря на гордость из-за успехов ребенка и радость по поводу его взросления и независимости, можно испытывать и боль и пустоту из-за того, что я тебе больше не нужна.

Это наша горько-сладкая родительская стезя, по которой мы движемся. Мы начинаем с полной ответственности за крошечные существа. Годами мы беспокоимся, строим планы, утешаем и пытаемся понять. Мы отдаем свою любовь, труд, знания и опыт — чтобы однажды он или они набрались сил и уверенности вас покинуть.

Маленький тест доктора Джаннотта

Проверьте себя, где вы стоите в этой борьбе, о которой пишут Адель Фабер и Элен Маздлин. Что вы говорите, когда радостный ребенок сообщает вам о своем очередном успехе? "Я горжусь тобой" или "Ты, наверное, гордишься собой?" Поухлуйстуйте ранкиу. И хотя ответ кажется нет в том чтобы радовать с ребенком радость успеха, важно помнить, что вторая реплика освобождает ребенка от необходимости удовлетворять амбиции родителей и способствует настоящей внутренней автономии. Теперь вы понимаете, что это совсем не легко]

Развивая автономию детей

1. **Позвольте ребенку сделать выбор:** "У тебя сегодня настроение для серых брюк или для красных?"
2. **Покажите свое уважение к ребенку, который пытается справиться с трудностями:** "Бенну бывает трудно открыть. Иногда помогает, если подцепить ложкой крышки".
3. **Не задавайте слишком много вопросов:** "Рады тебя видеть. Добро пожаловать домой".
4. **Не набрасывайтесь с ответами:** "Интересный вопрос. А как ты думаешь?"
5. **Побуждайте детей искать источники вне дома:** "Может быть, владелец зоомагазина сможет помочь?"
6. **Не отнимайте надежду:** "Так ты думаешь о том, чтобы попытаться стать актрисой? Это может быть интересный опыт".

СТРАНА ДЕТЕЙ

псой короленко
– московский филолог и художник-перформансист, теоретически и практически исследующий ритуальные, психологические, терапевтические аспекты жанра песни. Автор песен, статьей и эссе о музыке, литературе, культуре. Активный сетевой деятель, публикуется в "Русском Журнале" (**www.russ.ru/authors/psoy.html**) *и в других изданиях. Много лет преподает литературу студентам и школьникам, с удовольствием воспитывает собственных детей, хорошо помнит свое детство и часто обращается к детской теме.*

Если мне надо будет показать своим детям что-нибудь настоящее, я поставлю им в память о нашей великой эпохе – "Радионяню". Но не оцифрованный компакт-диск и даже не аудиокассету, а маленькую виниловую пластиночку в замечательной обложке – одну из тех многих, что были мудро сбережены моими родителями. Пусть в этой статье звучит благодарность им за мое удивительное детство.

Кто эта странная троица в цветастом фартуке на обложке грампластинки Апрелевского завода имени Ленина "Поет Радионяня"? Слева – интересный брюнет с бакенбардами, похожий на Ива Монтана или на собирательный образ всех битлов. Справа – льсеюющий дядя с бровями домиком. Оба улыбаются, и оба в водолазках. В центре – самый главный: спокойное мужественное лицо, решительный взгляд. Убеленный благородными сединами Штирлиц в костюме, в крахмальной сорочке, при галстуке. Композиция фотопортрета совершенна: няня вписана в жесткий круг. Он прощупывается под бумагой конверта.

Их было трое: Александр Лившиц ("Саша-малаша, манная каша"), Александр Левенбук ("Левенбук съел бамбук") и добрый радиоволшебник с мягким голосом. "Да, да, да, мой маленький друг, ты правильно догадался: это он, тот самый, "крибле, крабле, бумс!" – Николай Владимирович Литвинов.

Лившиц и Левенбук – традиционная комическая пара, типичная для позднесоветской эстрады: Шуров и Рыкунин, Миров и Новицкий, Рудаков и Нечаев, Ильченко и Карцев, Тарапунька и Штепсель, Авдотья Никитишна и Вероника Маврикиевна. Но только в "Радионяне", благодаря введению Третьего Актера, восторжествовала истинная гармония – триада. Три "Л". Три лица советской массовой культуры того времени. Лившиц – те кто уехал. Когда Лившиц уехал, его попробовали заменить Львом Шиментовым – не вышло: ересь. Левенбук – те, кто "нашел свою нишу здесь": в его случае, это театр "Шалом", имеющий что-то (что?) неуловимо общее с Радионяней.

А Николай Владимирович Литвинов работал по совместительству радиоволшебником. Помните? "Здравствуй, дружок!..."

У нас был порядок. Каждое утро – сказка. После сказки мы отправлялись в садик, где нам говорили про Брежнева, потом возвращались домой, смотрели "Спокойной ночи, малыши!" с тетей Валей – и спать. И за этим порядком следил Николай Владимирович, добрый советский дух. Помогал Империи. Грубо говоря, он был сам Стерегущий – Катехон. В аннотации к одной из пластинок "Няни" говорится, что Н.В. – "плантатор наоборот". Ходит и покрикивает: "Эй, ребята, чего не озоринаете, а ну, шалите давайте, а то всех уволю". В этой, казалось бы, травестии есть высшая логика, о которой позже. И вот этот русский советский сказочник, Кот Мурлыка "великой Эпохи" в связке с бивис-и-баттхедной парой Лившиц-Левенбук образует трехликого пса Кербера, охраняющего царство Аида.

Но на самом деле их было больше – целый пантеон божеств. Вот верный, хотя и приемный, сын Польши Юлиан Тувим. С каким чуть не рэперским задором, в унисон Левенбук и Лившиц начитывают его стихи о развеселом пане Трулялинском и ребятах-трулялятах, заодно под шумок попавших и в главную песенку передачи. За своего признан и Даниил Хармс: детские журналы "Еж и Чиж" – "Радионяня" 30-х. А вот поэт, отыскавший где-то рецепты вечного детства. Его зовут Овсей Дриз. Рассказывают, что однажды он разбудил своего друга и сказал: "Послушай, как просыпается город, он закипает, как чайник на медленном огне. Слышишь, как город поет?"

Сердцевину проекта составляли песни. Звучали песенки из мультфильмов в исполнении любимейших артистов. Трогательным мальчишеским голосом пела Мария Лукач. Солисты детского хора Всесоюзного радио и Центрального телевидения Сережа Парамонов и Дима Голов так выводили Шаинского, что думалось: "Попробуй, сунься к нам кто". Но особенно часто пела сама "няня" неповторимыми голосами трёх весельчаков. Над этими песнями работали блестящие шлягермейкеры Борис Савельев и Владимир Шаинский, ансамбль "Мелодия" п/у Г.Гараняна и В.Чижика, Михаил Танич (тогда еще не "Лесоповал"), веселые "трулялята" Аркадий Хайт и Эдуард Успенский. Усилиями этого коллектива репертуар "Радионяни" идеально сфокусировал в себе те пленительные куплетно-шансонные и клезмерские элементы, которые всегда незаметно присутствовали в песнях советской эстрады.

Постоянным контекстом песен был фирменный, безошибочно узнаваемый конферанс. В песни вставлялись телеги, между песнями гналась пурга. Передача делилась на рубрики, многие из которых назывались "веселыми". "Веселый арбитраж", способный рассудить любые детские споры так, чтобы не рассориться. "Веселые уроки" с песнями-запоминалками по грамматике и математике, где сама идея мнемотехники слегка, в духе обэриутов, абсурдизировалась:

Минус поставим сначала,
Рядом с ним "пэ" пополам,
Плюс-минус знак радикала,
С детства знакомого нам.
Ну, а под корнем, приятель,
Сводится все к пустяку:
"Пэ" пополам и в квадрате
Минус несчастное "ку"
(Минус прекрасное "ку").

Многие песни были о детском непослушании. В них, по-моему, заключался совершенно особенный парадокс. Вот, например, в песенке на слова Успенского "Аппетит" рассказывается о том, как маленького мальчика заставляют есть по часам. Без сомнения, творец Чебурашки был знаком с одним из главных текстов советской идеологической кулинарии – книгой "Детское питание" (М., 1966), в которой наших бабушек учили насильно впихивать в детей еду. Современные психологи говорят, что таким образом естественный стимул, голод, подменяется в авторитарных обществах искусственно сконструированным культурой "аппетитом". С помощью этого хитрого приспособления человек с самого детства превращался в послушного конформиста, готового всю жизнь по часам переваривать всевозможную жвачку.

Это потому что бабушка считает,
Что главнее самых главных дел,
Чтобы мальчик,
Как проснется,
Так бы ел, и ел, и ел!

Почему дети не любят этого? Потому что дети – стихийные духи, волшебники и трансгрессоры. Они как юла из сюрреалистической песенки Савельева на слова Овсея Дриза:

Подо мной земля качнулась
С боку набок повернулась,
Повертелась, покрутилась,
И на небе очутилась,
А внизу наоборот,
Оказался небосвод.

Эту тайну ребенка знал Хармс, поэтому детские и взрослые мотивы образуют у него единый мир игры, гротеска и безумия. За Хармсом пошли и Олег Григорьев, и Эдуард Успенский, превративший "Омен" в детскую сказку-страшилку. Ребенок опасен: вспомним "Вельд" Брэдбери. Он опасен постольку, поскольку всегда потенциально угрожает сконструированному благополучию взрослого мира.

В одной из песен на слова Успенского мальчику хотят отстричь волосы, символ-атрибут пограничного существа, нечистого и опасного, не вполне человека.

Мальчик стричься не желает,
Мальчик с кресла уползает...
А волосы растут,
А волосы растут.
Ай-яй-яй-яй-яй-яй-яй,
Ай-яй-яй-яй-яй-яй-яй.

Ребенок сопротивляется и в наказание за это превращается в девочку. С точки зрения "ай-яй-яя", это, конечно же, катастрофа. Примечательно, что инконформизм символически отождествился здесь с разрушением гендерной идентификации и всего порядка вещей. Не выдержав посвящения, герой становится не человеком-мужчиной, а хаотической фигурой, угрожающей обществу. Он волосатик, хиппи, гомосексуалист, трансвестит, транссексуал, мутант, фрик, оборотень, вервольф, предатель. Про него роно-педсовет проводит планерку:

Сегодня он играет джаз,
А завтра Родину продаст.

Но что, если настоящий строитель светлого завтра как раз и должен быть непослушным и непонятным? Тем-то и замечательна "Радионяня", что она не скрывает этого от нас. Эта строгая, добрая и весёлая няня воплощает в себе парадокс советского общества, в котором авторитарность и патриархальность взрослого сочеталась с целомудренным романтизмом ребенка.

..."Радионяня", "Радионяня",
У нее одна задача:
Чтоб все девчонки
И все мальчишки
Подружились с ней,
Чтоб всем ребятам,
Всем трулялям
Было веселей.

Вот в этом вся алхимия Советского Союза, его философский камень. Одна и та же "няня" и строила-единила, и веселила всех нас. Это были не две задачи, а именно одна. Карлсон и дядя Степа, Бартo-Михалков и Григорьев-Остер – в одном. Но ведь так бывает только в мире ребенка. Слушая "Радионяню", вспомним: мы жили в Стране Детей.

Лучше танца "Хлопай-Топай",
Ничего на свете нет -
Только хлопай, только топай,
Лишь бы выдержал паркет.
Эх раз, еще раз,
Целый класс пустился в пляс.
Хлопай-топай!
Топай-хлопай!
Нет ребят счастливей нас!

Дурацкими голосами Левенбука и Лившица, бархатным мурлыканьем Литвинова, жизнерадостной "умцей-умцей" Савельева и Шаинского, прибаутками Танича и Успенского поет, играет, танцует, радуется, веселится и хлопает-топает Родина нашего детства.
Которую мы потеряли. |

Ещё о Радионяне: **http://www.russ.ru/culture/song/20000921.html**

Интервью с Александром Левенбуком: **http://www.yabloko.ru/win/News/Npaper/02_00/6p.html#4**

Печальная судьба Серёжи Парамонова: **http://www.karelia.ru/~kurier/23147/23147_8.html**

Умка (Анна Герасимова) о детских аспектах Хармса: **http://www.umka.ru/liter/940907.html**

КРУГ ЧТЕНИЯ | анатолий берштейн

..Если бы с детьми можно было бы
развестись, я бы делал это постоянно.

/а. штейнбер

Любой напряженно задумывающийся о жизни человек, вероятнее всего проходит в определенном возрасте через состояние экзистенциальной тоски и одиночества, даже если внешне он не одинок и его окружают люди, у него есть работа, учеба и прочие атрибуты здоровой жизни. Вопрос в том, куда он выйдет из этого состояния: или в пике, или обратно и навсегда в нормальный мир, или прорвется, возможно, к высшим смыслам.

Карл Густав Юнг неоднократно подчеркивал, что "невроз – это защита против объективной внутренней деятельности души или дорого оплаченная попытка уклониться от внутреннего голоса, т.е. от предназначения. ... Человек без amor fati – невротик... По мере того как человек, изменяя собственному закону, упускает возможность стать личностью, он теряет смысл своей жизни.... Кто не может поставить свою жизнь на кон, тот и не выиграет ее. ... Становление личности – это риск; и трагично, что именно демон внутреннего голоса означает одновременно и величайшую опасность, и необходимую помощь. Это трагично, но логично. Это естественно". **"Становление личности".**

В действительности, как утверждал **Фромм**, большинство людей колеблются между различными системами ценностей и поэтому никогда не развиваются полностью в том или ином направлении. У них нет ни особых добродетелей, ни особых пороков. Как выразил это **Ибсен** в **"Пер Гюнте"**: они похожи на стершуюся монету.

Я был удивлен, когда знакомая дама призналась в любви к светским людям. И пояснила: то есть к тем, кто умеет правильно себя вести в обществе, в разных ситуациях со знакомыми и незнакомыми, доставляя им минимум неудобств, сглаживая неловкости, а главное, не создавая их.

"Светский человек" частенько ассоциировался у меня с манерным, неискренним поведением. Поэтому поначалу это признание вызвало легкий протест, и я попытался поспорить, сказав, что всеми перечисленными качествами обладает не светский, а скорее деликатный человек. Спор был недолгим, и мы быстро согласились с тем, что деликатность – органическая черта человека, а светскость не то, чтобы подменяет ее (ибо, безусловно, бывают люди деликатные, но не светские: они будут чувствовать неловкость той или иной ситуации, стараться ее избежать, но не всегда знать, как это сделать или как в нее не попасть), светскость – это, пожалуй (если не истолковывать ее превратно, представляя фальшивый смех, дежурные улыбки и правильные слова), то, что называют воспитанностью.

Долгое время я убеждал себя, что если человеку от природы не дано, к примеру, быть добрым, его надо научить быть добрым от ума, а если чего и опасался, то отсутствия "у природы" этого самого ума, ибо его заменить нельзя. Возможно это такая же светскость, то есть что-то искусственное, воспитанное. Получается, правда, что воспитание занимается чем-то вроде протезирования.

Невоспитанность, кстати, в самом деле, чем-то напоминает испорченные зубы. И так же вовсе не безобидна. Ее адвокаты заявляют, что невоспитанные люди не ведают, что творят, не желают никого оскорбить: когда громко сквернословят, неаккуратно едят, орут по ночам, мусорят, где попало, не говорят "здравствуйте" и "спасибо", не знают, когда и что уместно говорить ... В общем, они просто не воспитаны. И это звучит также невинно, как будто ученик чистосердечно признается, что опоздал на урок, потому что проспал.

...Благовоспитанный человек не обидит ненароком, только преднамеренно, – так говорила **Ахматова. "Воспоминания". Лидия Чуковская.**

«По моему убеждению, если у А. во время прогулки сорвало ветром шляпу, приятный долг Б. поднять ее и вернуть А., не заглядывая ему в лицо и не ища на нем выражения благодарности. Боже мой, неужели я не могу научиться скучать по родным, не желая, чтобы и они скучали по мне в ответ?" – так писал **Сэлинджер** в своем рассказе **"Шестнадцатый день Хэпворта 1924 года".**

Позволю себе заметить, что в первом случае речь идет о простой вежливости, а вот втором – материя сложнее, и сравнение неубедительно. Почему бы и не захотеть, чтобы по тебе скучали? Если ты сознаешь, что о тебе никто не скучает, собственное одиночество переносится намного тяжелее. И не случайно, герой этого рассказа, маленький мальчик, кончает жизнь самоубийством.

Родитель, как садовник: если посадил растение, то ухаживай, поливай, расти – пусть цветет и глаз радует. Это и есть основная родительская функция и главная корысть. Но материнская любовь и отцовская – не одно и то же. Отец еще и Учитель. Он будет удовлетворен не только, а часто и не столько, когда его ребенок счастлив, но когда тот стал настоящим Учеником. "Любовь отца – это любовь на определенных условиях. Ее принцип: "Я люблю тебя, потому что ты оправдываешь мои надежды, потому что ты исполняешь свой долг, потому что ты похож на меня". В "обусловленной" отцовской любви, как и в "безусловной" материнской, можно найти и отрицательную и положительную сторону. Отрицательная сторона именно в том, что отцовскую любовь надо заслужить, что ее можно потерять, если не оправдаешь ожиданий. ...Когда тебя любят за какие-то твои достоинства, когда ты заслуживаешь любовь, всегда возникают сомнения: а вдруг я почему-то перестану нравиться тому, чьей любви я добиваюсь; всегда есть страх, что любовь может исчезнуть. Кроме того, "заслуженная любовь" может оставлять горькое чувство, что тебя любят не ради тебя самого, а только потому, что ты нравишься; что тебя, если разобраться, вообще не любят, а используют". **Эрих Фромм. "Искусство любви"**.

Шопенгауэр так, собственно, и советовал: не можешь изменить человека, так используй его.

Томаш Масарик писал, что сен-симонисты, чтобы теснее связать человека с человеком и приучить людей к любви, рекомендовали, например, пришивать пуговицы у сюртуков сзади, чтобы брат брату помогал при застегивании. **Михаил Гаспаров. "Записки и выписки".**

Вот так бывает, что изнанка превращается в лицевую сторону.

Папа с ребенком во время прогулки. Малыш упал, лежит и собирается зареветь.

– Кто это там лежит? – деланным, "родительским" голосом спрашивает отец. Червяк. Ну, да, если так растянуться и лежать, получается червяк. ...А вон смотри – лягушечка. Ну-ка, смотри. ...Вот если бы не лежал, как червяк, а быстро встал, как человек, увидел бы лягушечку.

Не вызывает сомнения значение того, что и как мы говорим ребенку, особенно когда что-то случается: он бегал, упал и испачкал одежду; сказал неприличное слово, которое где-то услышал, но не знает, что оно значит; заигрался и забыл о времени, не сделав чего-то, о чем его просили; подрался, не поделив игрушку... Недавно я был свидетелем типичной сцены, к которой уже привык, хотя каждый раз все равно недоумеваю и огорчаюсь. Две молодые мамы лет до 30 шли позади своих маленьких детей: мальчика и девочки лет 5-6. Впереди – перекресток. Вдруг одна из них закричала на мальчика: "Стой, мерзавец! Я кому сказала, тварь ты этакая!". (Кто сказал: родители, берегите детей от себя?!).

...А вот **Чуковский** вспоминал, что в детстве мать сказала, когда он потерял ее рубль: "Что ж подумай, как обрадуется тот, кто его найдет". **"Дневники"**.

Как-то мой друг сказал, что воспитывать надо взгляд. Человеческий взгляд, а не взгляд альбатроса, вечно бегающий в поисках подвижной цели. Человек выбирает... И еще воспитывать способность по нюансам, деталям и штришкам читать даже самый "мелкий шрифт человеческой души". Или "заронить то знание людей, которое учит узнавать и чувствовать другого по интонации, по манере брать что-то в руки, даже по тембру его молчания и осанке, с какой тот вписывается в пространство..." **Роберт Музиль. "Душевные смуты воспитанника Терлиса".**

Сколько раз говорили: воспитание – это принуждение, воспитание – это приспособление, воспитание – это сдерживание, воспитание – это развитие, воспитание – это очеловечивание... В любом варианте, воспитание – пища, а не разжевывание, компас, а не путеводитель, "воспитание должно говорить "смотри туда-то", а не "видь то-то". **Михаил Гаспаров. " Записки..."**. |

КНИГИ | (гурьевва)/шулешко/аромштам

Клиническая и судебная подростковая психиатрия.
Под редакцией профессора В. А. Гурьевой.
М., Генезис, 2001

Проблемы проблемных детей

В России нет ювенальной юстиции – судебно-правовой системы, которая занималась бы исключительно несовершеннолетними правонарушителями. Если подросток совершает преступление, дознание, следствие, экспертиза, суд будут такими же, как и в случае с матёрым рецидивистом. Мы отстали от всего цивилизованного мира на сорок лет и осознали это лишь недавно. В некоторых регионах появились уполномоченные по правам детей, начались дискуссии о том, нужна ли нам ювенальная юстиция, если в уголовном законодательстве прописаны все необходимые нормы, относящиеся к подросткам. Правда, у нашей страны есть такая особенность – существование закона еще не означает, что он применяется. Юный правонарушитель в глазах общества прежде всего преступник, а потом уже подросток. А с преступником надо обходиться по всей строгости. “Вор должен сидеть в тюрьме” – эта фраза из популярного когда-то телесериала многими сегодня воспринимается как истина в последней инстанции.

Подростковая преступность растет. В книге “Клиническая и судебная подростковая психиатрия” приводятся устрашающие цифры. За десять лет – с 1989 по 1999 год – количество преступлений, совершенных с участием несовершеннолетних, увеличилось в полтора раза. Количество малолетних преступников, не подлежащих уголовной ответственности, – то есть тех, кому еще не исполнилось 14 лет, выросло на 14,6 процента. На учете в МВД состоит около полумиллиона детей и подростков. Более 60 процентов всех преступлений малолетки совершают в группах.

Невнимание к проблемным детям привело к тому, что судебно-психиатрическая экспертиза малолетних правонарушителей практически не проводится – нет специалистов. Когда ученые из института им. Сербского провели обследование подростков, уже отбывающих наказание, более чем у половины юных преступников были описаны психические отклонения. Если бы это было сделано до суда, наказание могло быть иным.

Каждый день мы встречаемся с подростками, относящимися к группе риска. Они еще не совершили правонарушений или, во всяком случае, сумели убежать от милиционера. Учителям, психологам, родителям – всем, кто хочет научиться понимать таких детей, имеет смысл прочитать книгу “Клиническая и судебная подростковая психиатрия”. Конечно, это чтение на назовешь легким, как, наверное, любую книгу, написанную специалистом. Но читатель получит основательную теоретическую подготовку: авторы знакомят со взглядами мировых знаменитостей на проблемы детей и подростков, трудности роста, рассказывают о возрастных кризисах, об опасностях, подстерегающих ребенка в эти периоды. Эта книга предостерегает от привычного навешивания ярлыков: умному читателю с первых же страниц станет ясно, что постановка диагноза – дело сложное и требующее специальной подготовки. Проблемные дети нуждаются в помощи. Но помочь им не всегда легко. Они не готовы идти нам навстречу, и нам приходится тратить время и силы, чтобы пробиться к ним. Если мы хотим помочь. |

/ наталья строилова

Шулешко Евгений
Понимание грамотности. Обучение дошкольников чтению, письму и счету.
М., Мозаика-Синтез, 2001

Обучение без границ

Когда мы привычно называем наше время эпохой коммуникаций, нередко имеем в виду лишь технические средства. Компьютерная сеть, накрывшая мир, действительно дала людям возможность обмениваться информацией с невиданной доселе скоростью. Общение без границ идет в режиме реального времени, и это замечательно. Но загляните в чат, где общаются подростки, только знайте – это не для слабонервных. И дело вовсе не в том, что дети обсуждают запретные темы, употребляя при этом ненормативную лексику. Оторопь берет от количества ошибок и убогости мысли. Невольно возникает вопрос: неужели эти люди учились когда-нибудь в школе?

Пожалуй, первыми столкнулись с проблемой учителя иностранного языка. Дети, набравшие вполне приличный словарный запас, не могут его использовать из-за того, что у них нет мыслей, которые они могли бы выразить. Средств выражения хватает, нет того, что хотелось бы сказать. И чем старше ребенок, тем труднее устранить причину вынужденной немоты. О взаимосвязи между бессловесностью и безграмотностью и заставляет задуматься книга Евгения Шулешко.

Педагогические открытия часто поражают потому, что в их основе оказывается, казалось бы, очевидная мысль. Привычный способ обучения дошкольников, когда чтение отделено от письма, а разговоры на занятиях считаются нежелательными и в лучшем случае списываются на малый возраст учеников, предстает не таким уж несомненным. В голову приходит простая мысль: ведь именно традиционный способ дает всем известный результат – грамотно пишут лишь дети с врожденной грамотностью, а хорошо рассказывают те, кто научился этому в беседах с родителями. Шулешко исходит из того, что грамотность – это составляющая культурной традиции народа. Кто из нас этого не знал? Между тем... отталкиваясь от этой идеи, положив ее в основу своей концепции обучения, автор предлагает совсем иные методы взаимодействия педагога с детьми. Оказывается, что для успешного овладения необходимыми навыками чтения, письма и счета необходимо научиться общению в малой группе: руководить и подчиняться, осознать свою роль среди ровесников, идти на компромиссы и отстаивать свою точку зрения. При таком подходе учебные часы не исключены из общего хода жизни ребенка, и образование постепенно становится естественной частью этой жизни.

Есть еще одна проблема, которую помогает решить книга Шулешко. Наверное, все, кому приходится учить детей, рано или поздно сталкиваются с тем, что ребенок перестает воспринимать информацию, которую предлагает ему педагог. Ученик закрывается для всего нового, а учитель иногда спешит вспомнить известную фразу о “ленивых и нелюбопытных”. Но ведь это неправда. О пытливости детского ума, о вопросах, которыми дети засыпают взрослых, написаны тома. Дело в том, что все мы – и дети не исключение – хотим получить ответы на те вопросы, которые задаем сами. В обучении же совпадения редки: педагог дает ответ на вопрос, предложенный учебной программой, а не учеником. А ребенку этот ответ сегодня не нужен. Повторите несколько раз, и ваши ответы навсегда потеряют ценность для ребенка. Он просто перестанет вас слушать.

Конечно, превратить обучение в жизнь непросто, но попытаться стоит. В книге Шулешко достаточно материала, чтобы начать, не откладывая – методические разработки, конкретные задания и рекомендации составляют ее значительную часть. Приведены также мнения педагогов, работающих по его методике. Похоже, тем, кто попробовал так работать, от этого уже не уйти. |

/наталья хмелик

Марина Аромштам
Дом, в котором живет малыш.
Ярославль: Академия развития, Академия холдинг, 2001

Атмосфера дома

Все мы желаем детям добра. Беда в том, что не всегда мы и ребенок понимаем добро одинаково. К тому же сыну или дочери предстоит жить с нами довольно долго, а мы меняемся, хотя и не так быстро, как дети. И вместе с нами меняются представления о том, что для ребенка хорошо, а что плохо. Конечно, нам, родителям, надо читать, думать, узнавать новые теории воспитания, но главное, мы должны во что бы то ни стало сохранить наши отношения. О наших отношениях с детьми, об их к нам доверии, об этих главных ценностях книга Марины Аромштам. Все должно быть по-человечески – для автора это важнее любых педагогических теорий.

“Дом, в котором живет малыш” – книга советов. Читая не перестаешь удивляться: как, оказывается, много существует возможностей разнообразного общения с ребенком. Поиграть и одновременно научить. Открыть мир для него, а заодно и для себя. И выстроить отношения, которыми сам начинаешь дорожить, потому что они не данность – я тебя родил и кормлю, а ты меня за это слушаешься, – а плод нашего труда. А свой труд каждый умеет ценить, им самим сделанное постарается не сломать, не разрушить.

И, может быть, когда нынешний малыш станет подростком, утомленный родитель вспомнит детские занятия и поймет, что доверие между ним и нынешним сложным, почти уже взрослым, чадом зародилось именно тогда.

С помощью книги Марины Аромштам мы расскажем ребенку, почему идет дождь, поэкспериментируем с обычной водой, объясним, как течет, бежит, летит время, поможем прикоснуться к собственным корням. Очень важно то, что автор живет в современном мире, где есть компьютеры, игрушечные монстры, кукла Барби. Марина Аромштам не стесняется высказать свое отношение к этим реалиям нашей жизни, вокруг которых кипят сегодня педагогические дискуссии. Спорить можно сколько угодно, но нельзя заставить девочку не мечтать о Барби, которая есть у всех подружек. И даже если никогда не покупать сыну монстров, он все равно выменяет их у приятелей и будет с ними играть. Наши дети живут с этими чудовищами, с образцами дурного вкуса, а нам, родителям, порой очень не хватает дружеского совета – нам-то что с этим делать. Книга Аромштам дает ответ и на этот вопрос.

Для меня дополнительную ценность книге придает то, что она написана как бы с трех точек зрения: мамы, учителя начальных классов и психолога. Эти три ипостаси автора органично соединяются в тексте. Приведу поразивший меня пример. Сейчас моден интерес к собственным корням, и многие воспитатели детских садов предлагают детям такое занятие: воспитатель рисует большое дерево с корнями и кроной, а дети развешивают на этом дереве фотографии своих близких. Однако нарисованное дерево они не воспринимают как генеалогическое древо своих истоков. Оказывается, дерево, нарисованное ребенком, не имеет корней, оно прочно стоит на земле. Такова особенность детского творчества. А чтобы ребенок ощутил связь времен, психолог Марина Аромштам предлагает рисовать дом с окошками. В окошках поместятся родные – те, кого ребенок хорошо знает, и те, кого уже нет на этой земле. Окошки, в которых находятся ушедшие, закрыты бумажными ставнями... Согласитесь, такой дом не только поможет увидеть себя как часть рода, но, вполне возможно, вызовет у маленького человека первые философские мысли о вечном.

Читая книгу Марины Аромштам, я все время жалела о том, что мои собственные дети уже выросли. Уж очень хочется построить дом из коробки, нарисовать кошку, вырастить кристалл в стакане воды. Жаль, что поздно. И радостно за тех, кто еще не опоздал. |

/диана александрова

ИЗ ОБЩЕЙ ТЕТРАДИ
(ОЖИДАЯ)

Или вовсе — и меня в ему нерыцк нерыцкие вовсе — пока сомнения с ходу не отметаешь, — ждет, что я, скажем, в ответ на его вопросы, ему, мол, вовсе, в ту, что я вовсе, меня не бестолковый. Вывести